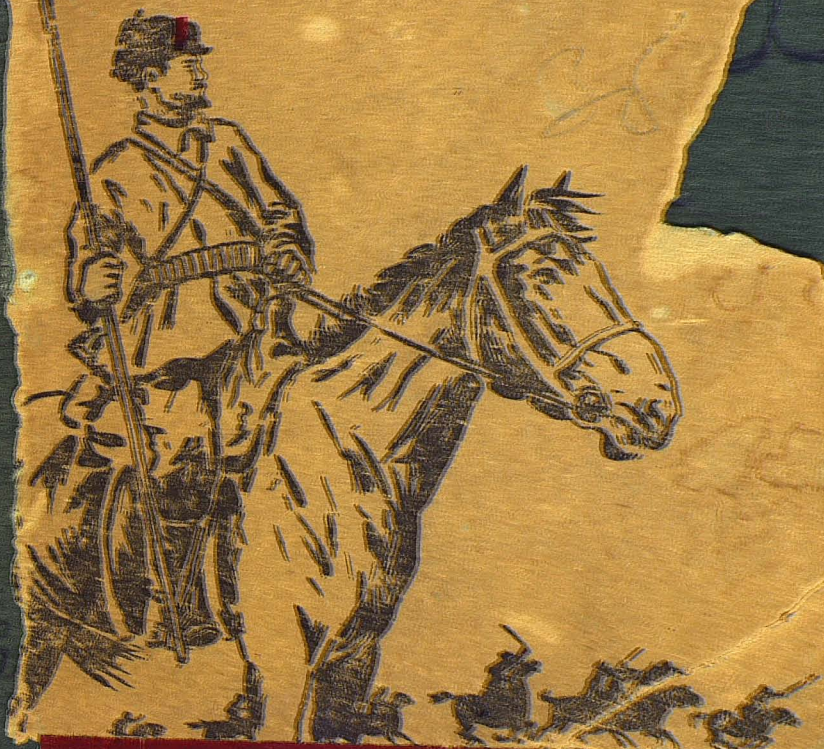

БЗЗ(2К)
К90

И. Кушач
Ф. Калюта

В Акмолинских

Стелях

СРЕДНО-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ 1956 Г.

И. Кумач
Ф. Налюта

В Акмолинских степях

Страницы из истории
борьбы за советскую власть
в Атбасарском уезде

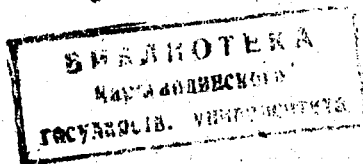
Казакстанское Краевое Издательство
Алма-Ата 1936 Москва

63.2 (2К) А
К90

В яркой и простой полубеллетристической форме авторы, руководители партизанского движения в Атбасарском уезде Акмолинской области, рисуют картины героической борьбы против зверств обреченной колчаковщины и против кулацко-белогвардейского мятежа 1921 г. В центре повествования—знаменитое Мариинское (Амантайское) восстание партизан против белых.

Книжка доступна самым широким слоям читателей.

400832

От редакции

Предлагаемая вниманию читателей книга написана непосредственными участниками партизанского движения Атбасарского уезда Акмолинской области.

Просто, бесхитростно написанные страницы отражают борьбу трудящегося крестьянства против колчаковщины, стремившейся потопить в крови Великую пролетарскую революцию, раздавить советскую власть.

Книга И. Кумача и Ф. Калюты отражает тот исторический переломный период, когда сибирское крестьянство, не знавшее помещичьего гнета, на своей спине испытало все прелести колчаковской „демократии“ и колчаковской „свободы“.

Владимир Ильич писал об этом периоде:

„Тяжелой ценой десятков тысяч расстрелянных и засеченных сибирские рабочие и крестьяне заплатили за свою доверчивость. Мы перенесли тяжкий опыт кровопускания сибирских рабочих и крестьян, но мы знаем, что этот опыт будет уроком для них. Этот опыт — лучший учитель большевизма для рабочих и крестьян. После него трудящиеся массы поймут, что середины нет. Нет иного выбора: либо власть рабочих и крестьян — власть Советов, либо власть капиталистов и помещиков“ (Соч., т. XXIV, стр. 449). „Когда он (сибирский крестьянин — *Ред.*) испытал, что Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, тогда он организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, о которых мы получаем точные донесения от товарищей и которые теперь обеспечивают нам полный возврат Сибири — на этот раз сознательный“ (Соч., т. XXIV, стр. 599). „Крестьянин, испытан на деле ту и другую диктатуру, выбрал диктатуру рабочего класса и с ней пойдет дальше до полной победы“ (Соч., т. XXIV, стр. 602).

Тяжелый путь борьбы прошли трудящиеся Казакстана прежде чем завоевали возможность мирного социалистического строительства.

Колчак, Дутов, Анненков, Толстов, Алаш-Орда, поддержанные антантовским империализмом, творили кровавые бесчинства на необъятных степях нынешнего Советского Казакстана.

Но недолго пришлось неистовствовать золотопогонникам и их добровольным помощникам — эсерам и меньшевикам. Мощная волна партизанских восстаний, о которых говорил Ленин, вспыхивает в разных концах Казакстана. Кустанайские партизаны, „горные орлы“ Семиречья, Алтайское партизанское движение, Мариинско-Амантайское восстание в Атбасарском уезде, о котором повествуют авторы данной книги, — вносят смятение и дезорганизацию в ряды колчаковцев, создают перелом в настроении среднего крестьянства в сторону советской власти, готовят почву для прихода Красной Армии, которая окончательно очистит Казакстан от белогвардейских банд.

Нельзя без волнения и гнева читать наиболее яркие страницы настоящей книги, например страницы, где рассказывается о лютой расправе опьяневших от крови белогвардейцев над трудящимся крестьянством Мариинки и других сел, примкнувших к партизанскому движению. Навсегда врежется в память расстрел старика-бедняка только за то, что тот не отработал денег, полученных от кулака.

Вызывает чувство восхищения неподдельная преданность революции партизан бедноты и лучшей части середняков, которые в далекой степной глуши, без оружия, нашли выход из положения в том, что мастерили самодельные винтовки, собирали на месте боев расстрелянные гильзы, изготовляли самодельные пули, брались за топоры и вилы, чтобы отразить натиск белогвардейцев. Женщины не отставали от мужчин. Подростки носили взрослым патроны и пищу. Крестьяне окрестных сел везли бойцам трогательные подарки — хлеб, одежду, собранные добровольно по домам.

Книга товарищей Ивана Кумача и Филиппа Калюты показывает образцы интернациональной связи, тесного боевого союза трудящихся русской переселенческой деревни и трудящихся казакского аула. Казакские бедняки, казакская молодежь принимали горячее участие в партизанских отрядах, в утомительных тяжелых боях против колчаковцев.

Эта братская интернациональная связь должна быть особенно отмечена здесь. Казакское население Атбасарского уезда, как и всего Северного Казакстана, особенно сильно страдало от царской аграрной и переселенческой политики, от эксплуатации байской верхушкой.

Лучшие земли, пастбища были отрезаны в пользу русского казачества и русских переселенцев. Межнациональная вражда была резко обострена. Казакская беднота была на стороне советской власти, а лучшие передовики ее сражались рука об руку с трудящимися русской и украинской деревни за советскую власть, за свободу для рабочих и крестьян, за диктатуру пролетариата.

Товарищ Сталин говорил: „Не забудьте, что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых „инородцев“, не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, — товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все, — если бы не это сочувствие, мы бы не скovyрнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому, что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков¹, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения. И угнетенные народы вынуждены были идти к ним в объятия, между тем как мы развeртывали знамя освобождения этих угнетенных народов“².

Эти слова товарища Сталина в его докладе на XII Съезде РКП(б) полностью применимы к обстановке гражданской войны в Казакстане. Следует только пожалеть, что авторы чересчур сжато осветили межнациональные отношения в Северном Казакстане до революции.

* * *

Прошло пятнадцать лет со времени боев, о которых повествуется в этой книжке.

Как изменилось с тех пор положение трудящихся масс! Советский строй, колхозный строй победил окончательно и бесповоротно. Восторжествовала ленинско-сталинская наци-

¹ Русское казачество.—Ред.

² Сталин: „Марксизм и национально-колониальный вопрос“. Партийное Издательство, ЦК ВКП(б), М. 1934 г., стр. 116—117.

ональная политика, единственная правильная политика, которая привела нас к победе. Советский Казакстан торжественно отпраздновал свое пятидесятилетие.

Не легко далась эта победа, дорогою ценою заплатили за нее трудящиеся Казакстана. Сотни и тысячи бойцов — партизан, красноармейцев, трудящихся погибли, сложили головы на берегах Ишима, в степях Кустаная, в предгорьях Алтая... Память о них благодарно, благоговейно чтут трудящиеся Советского Казакстана. Имена и подвиги их, запечатленные в этой книге, будут воодушевлять на дальнейшую борьбу за укрепление социализма в нашей стране. Имена их и подвиги зовут к острой бдительности к разбитому, но еще недобитому классовому врагу, тихой сапой пытающемуся вредить делу социализма.

Книга тт. Кумача и Калюты будет особенно полезна нашей молодежи, подрастающему советскому поколению, которое само, на своем личном опыте, не пережило гражданской войны. Эта книжка научит еще острее ненавидеть проклятое прошлое царизма, капитализма, национального гнета, лишний раз научит ненавидеть врагов и еще крепче любить нашу Великую родину, кровью и страданиями отво-еванную у помещиков и капиталистов.

Редакция надеется, что эта книжка не останется единственной. Она вдохновит старых бойцов, партизан, участников гражданской войны в Казакстане, ныне живущих, участвующих в социалистическом строительстве, рассказать о героических днях эпохи 1918 — 1921 гг., как это сделали авторы тт. Кумач и Калюта.

В составлении этой книги принимали участие бывшие партизаны Атбасарского уезда тт. Айтуаров, М. Анашкин, И. Белозеров, И. Исайкин, Ф. Клименко, К. Малюкова, К. Новак, М. Пидорич, В. Редовский и другие. В литературной обработке книги принял участие Л. Макеев.

Война объявлена

Весна 1914 года в Атбасарском уезде была дождливая. Дружные всходы хлебов и богатые травы радовали глаз. Во второй половине июня начался сенокос.

Русские казаки и кулаки, в погоне за наживой, самолично захватывали лучшие сенокосные угодья казаков-кочевников.

Начались тяжбы, драки и убийства. Для разбора дел на место выезжал полицейский урядник. Получив взятку от захватчика, он обычно стремился во всем обвинить казаков и в лучшем случае советовал враждующим сторонам помириться и не доводить дела до суда.

Еще в январе среди стариков начали ходить такие разговоры: „Нынче год будет тяжелый, метла¹ появилась на небе, значит будет большое несчастье народу“.

— В старину, рассказывали николаевские солдаты, — перед турецкой войной тоже вот появлялась метла на небе. В нынешнем году урожай будет хороший, но убирать его некому будет. На людей найдет большое несчастье, мор, или война.

Попы и торговцы усиленно распространяли среди темного забитого крестьянства басни о знамении божьем. Так зама-

¹ Звезда с лучевым хвостом — комета, которую в народе называли просто метлой.

скированно подготавливали народ к империалистической войне. И многие верили этим сказкам.

Зревший обильный урожай не радовал крестьян. — Мы предчувствуем, — говорили, — что не убрать в этом году урожай.

Весть о мобилизации

В конце июля стали созревать ранние колосовые. Крестьяне выехали в поле. А через несколько дней, погожим августовским утром, по уезду поскакали верховые гонцы.

— Мобилизация!

— Германия объявила войну!

Из сел в города Акмолинск, Атбасар, Кустанай и Кокчетав по проселочным дорогам и трактам потянулись обозы с мобилизованными.

Мобилизованные напивались до бесчувствия, громили винные лавки. Партия, проезжавшая через село Поповку, объявила владельцу водяной мельницы Копнову:

— Даешь на водку 250 рублей, а не то сейчас твою мельницу свалим в Ишим.

Тот вынужден был выложить просимую сумму.

Буржуазно-помещичья власть боялась бунтов. Сразу же винные лавки были закрыты.

В Кокчетаве мобилизованная молодежь подняла открыто бунт и убила казачьего офицера. С первых дней нарастала вражда „иногороднего“ крестьянства к русскому казачеству, купцам и офицерству.

От Атбасара до Петропавловска по тракту ехали тогда несколько суток. Молодежь и старики, никогда не видавшие войны, спрашивали старых служивых:

— Так как же там, на войне? Что будем делать? Кому нужна война?

Сидя на бричке, старый солдат Семен Григорьев рассказывал:

— Прослужил я два года на действительной, был в старшие унтер-офицеры произведен. Сильный был, красивый собой. Девки меня любили. Учебную команду окончил с успехом. Думал: окончу действительную, вернусь в деревню, женюсь, тещь даст приданое — ух, как заживем! А в девяносто четвертом году Япония объявила войну России. И полк наш послали на Дальний Восток. Из Севастополя до места везли нас в телячьих вагонах; больше месяца везли. В вагонах было тесно, грязно. Съестного не хватало, солдаты заморились, а попы тут с молебнами. Солдаты и начали поговаривать: зря они нас молитвами пичкают, святым духом сыт не будешь. Заживо, мол, отпевают! — Хорошо, начальство не знало об разговорах. А если кто б доказал, то сразу бы дружка к военному суду. На Дальнем Востоке узнали, что японцы потопили наш флот. Приходим на позицию, а там на пять солдат одна винтовка и патронов еле-еле. Главнокомандующий генерал Куропаткин не оружие, а иконки выписывал из Петербурга целыми эшелонами и оделял солдат этими иконками. Думал иконками победить японцев! А японцы не дураки — не только обхитрили нас, все войско разбили. И воротились мы вроде с позором.

А тут в пятом году вспыхнула революция, и когда мы с Дальнего Востока возвращались, на станции нас встречали рабочие с красными флагами, а на флагах слова: „Долой самодержавие, да здравствует революция!“ Вот. А сейчас я понял, из-за чего новая война, кому она нужна. Крестьянам война не нужна. Кулакам да помещикам она нужна. Если меня на позицию отправят, я сразу в плен сбегу: немцы-то такие же крестьяне и рабочие, с ними я воевать не стану. Такие рассказы были нередки в дни мобилизации.

Первые месяцы в городах буржуазия, духовенство, офицерство вели усиленную пропаганду за войну:

„Война, мол, народная“, „немцы нас в плен возьмут“, „свободу отымут“, „надо, мол, всем дружно соединиться против кайзера Вильгельма“.

В Омске пачками формировали маршевые роты и отправляли на фронт.

Первые вести с фронта

В декабре с фронта дошли первые письма в деревню, в Атбасарский уезд. Крестьянин Курдюков из Любимовки писал своим родным:

„На позицию наш полк вступил в сентябре. Наша 8-я армия от Ивангорода до Радома без остановки гнала австрийцев. Еще были большие бои на реке Висле. Теперь нашими войсками обложен Перемышль, это — сильная австрийская крепость, ее только измором можно взять. Наш полк бросили под Краков, и в бою под Краковом нас неприятель разбил. От полка осталось 100 человек. Михаил Любахин убит. Многие из наших убиты в атаке“.

Такие письма шли в каждую деревню. Крепко волновали эти письма крестьян. В 1915 и 1916 годах из деревни взяли на фронт почти всех трудоспособных мужиков. В деревне оставались женщины, дети и старики. Рабочих рук нехватало. Крестьянское хозяйство падало. В народе глухо закипало волнение.

То там, то здесь в Атбасарском уезде поднимались бунты солдаток.

В Любимовку приехал волостной старшина Приладышев вместе с писарем проверять имущественное положение солдаток. Старшина пришел к Анне Чайкиной и начал расспрашивать.

— Скажи, что у тебя есть? Быки, коровы есть?

— Нет.

— Лошади, брички есть?

— Нет у меня ни колес, ни осей! — вспыхнула Анна. — Был один Елисей и того вы, сукины дети, забрали, а я здесь с малыми детьми голодом сижу.

Дерзость Анны Чайкиной ободрила стоявших подле солдаток. Поднялся крик.

— Забрали наших мужьев!

— Последние гроши отнимаете!

— Мы юбки из дерюг понашивали, а вы в шерстяное разделись! — выкрикивали солдатки.

Бабы грозно наступали на Приладышева, требуя немедленно выдать пособие.

Кулаки и торговцы из села Мариинского Семен и Василий Гайворонские, из Ново-Александровского — Кучман, из Дальнего — Смаглий и другие скупали в деревне за бесценнок скот, направляли его вагонами в Петроград, в армию, наживали бешеные барыши.

В 1916 году с фронта начали прибывать инвалиды. В Любимовку вернулся Елисей Чайкин без ноги и без глаза. Крестьян волновал один вопрос: „Когда кончится война?“ Ни о чем другом не думали.

Солдаты, прибывавшие в отпуск, рассказывали о тысячах убитых и раненых, об отступлении русской армии, которую оставили без снарядов, о голодовке рабочих в Москве, Петрограде, о забастовках, о том, что рабочие требуют хлеба и мира. Рассказывали и о том, что среди рабочих стали поговаривать: „Царя скинем, тогда и войну покончим“.

Рассказы эти зажигали крестьян. Затаилась смутная надежда: авось, недалек час, когда кончится братоубийство, начнется справедливая жизнь.

И сумрачно, напряженно, настороженно ждали.

Восстание 1916 года

Веками жил в забитости казакский народ. Казаков (киргизов по-тогдашнему) и за людей не считали. Бедняки-казаки голодовали, скитались в батраках у баев, у русских кулаков-переселенцев. А верхушка—волостные управители и другие—брали взятки, самоуправствовали, нагло пресмыкались перед царскими чиновниками.

Началась война—начались поборы и сборы: скотом, шерстью. Разорение кочевого хозяйства стало еще горше.

В июле был издан приказ Николая II о мобилизации казакского населения на тыловые работы в прифронтовой полосе.

В урочище Терсакан приехали все пять крестьянских начальников Атбасарского уезда и две комиссии: одна по конской переписи; другая по призыву в армию. Собрали съезд волостных управителей и аульных старшин, объявили приказы. И тут же, не откладывая, стали составлять списки призывников. Знатных аксакалов, баев, судей, мулл от призыва освобождали. Другие откупались деньгами и скотом, ставили вместо себя своих „родственников“. В списки попадали середняки и бедняки.

По царскому указу на тыловые работы брали казаков в возрасте от 19 до 31 года, тринадцать возрастов подряд. Бедняцкая масса увидела воочию, что на словах баи, аксакалы и чиновники „за народ“, а на деле идут за „белым царем“, против народа.

Мобилизация вызвала стихийное возмущение. Началось с Алексеевской волости. Казакская молодежь из рода Садбека, толпой около 100 человек, разгромила волостное управление, избив волостного управителя Джанбаева, унич-

тожила все дела и в первую очередь все списки призываемых.

В Атбасарском уезде стали создаваться открытые повстанческие отряды казакской молодежи.

В отряд Жанабая Ниязбекова, фельдшера Южно-Баганалинского района, собралась молодежь из 12 аулов этого района, до трехсот человек. Был создан отряд также в Средне-Аргинской волости, было в нем 800 человек, во главе стояли Хасан Жаныбеков и Жакуп Мурзагожин. Вооружены они были чем попало: фитильными ружьями, самодельными пиками и даже луками. Военного дела они никогда не знали. Но остро, кипуче ненавидели белого царя и его чиновников.

Восстание 1916 года было подавлено царизмом со зверской жестокостью.

После истории в урочище Терсакан, перепуганное начальство явилось в Атбасар и сообщило о восстании в Омск, в областной центр.

Из Омска в Атбасар прибыл сам губернатор Кошура-Масальский. Он собрал волостных управителей и предложил выдать главарей восстания. На усмирение был отправлен карательный отряд в три сотни русских казаков, под начальством пристава Данилы Хамулло.

В урочище Дыльдыадыры Хамулло разбил средне-аргинский повстанческий отряд, забрал продовольствие. Расстреливая на пути мирное казакское население, отряд прошел на юг, и в урочище Карамара, за Улутавом, разбил баганалинский отряд восставших.

Уже глубокой осенью, проезжая с небольшим отрядом на автомобиле по Атбасарско-Улутавскому тракту, губернатор Кошура-Масальский принимал мирных кочующих казаков за бегущих повстанцев и отдавал распоряжение стрелять в них. Убитых казаков оставляли в поле, раненых отвозили на Карсакпайский завод.

По одному Атбасарскому уезду казаков было убито и расстреляно до 300 человек, разграблено имущества в аулах не меньше чем на десятки тысяч рублей.

Атбасар

Атбасар — небольшой уездный город Акмолинской области. Лежит в ее южной части, в 380 километрах от железной дороги, в голой, безлесной степи. Вся земля принадлежала русским станичным казакам.

Атбасар был основан в 1846 году как казачья станица, опорный военный пункт для „сохранения мира и порядка“ в Киргизской степи.

Через Атбасар идет главный торговый тракт на Петропавловск. В самом Атбасаре ежегодно в июне, перед сенокосом, собиралась большая ярмарка. Съезжались купцы из Нижнего-Новгорода, Харькова, из Тобольской, Оренбургской и Пермской губерний. Привозили мануфактуру, платки, галантерею, деревянные и скобяные изделия. С юга доходили караваны из Ташкента и Бухары, даже из Афганистана и Персии. Торговали и на деньги и в обмен.

За галантерейные безделушки харьковские купцы выменивали гурты скота, тут же откармливали и затем отправляли в Петропавловск на бойни или гоним в Центральную Россию.

Нагуливали жирок и местные атбасарские купцы. Бойко торговали Волостниковы, Паутовы и Беловы. У Беловых в Атбасаре было три дома, лучших в городе, паровая мельница, скобяная и мануфактурная лавка. Беловы скупали зерно и муку, а весной продавали хлеб тем же крестьянам втридорога.

Февральская революция дошла до Атбасара с большим опозданием и не внесла никаких особых перемен. Только в апреле организовалась земская управа (раньше земства не было). Создан был уездный киргизский исполнительный комитет.

Старое казачье правление сохранило свою власть по-прежнему. Во главе земской управы стали купцы Беловы, Волостниковы, Паутовы. Киргизский исполнительный комитет возглавлял алаш-ордынец Джанайдаров Сеильбек. В ко-

митет вошли Джангазин Карим, Джилкайдаров Алень и Ансагаев Абыл-Касым.

Почетные аксакалы, феодалы, баи сидели попережнему на своих местах — волостными управителями, старшинами, „судьями от народа“. Они призывали население к спокойствию, к поддержке Временного правительства. Устраивали собрания, говорили речи о „войне до победного конца“.

Эсеры и буржуазия в городе, кулачество в деревне начали вести усиленную агитацию против большевиков, за „демократическую“ республику.

Красная гроза революции надвигалась на атбасарские степи.

Фронтвики у власти

Еще при Временном правительстве началось стихийное возвращение фронтвиков домой. Солдаты везли винтовки, наганы, бомбы, боевые припасы.

Возвращающихся фронтвиков повсюду называли „большевиками“. И это было верно. Они только что были там, в России, где разразилась над старым порядком, над помещиками и буржуазией гроза рабочей революции.

Фронтвики рассказывали атбасарским крестьянам новое, то, чего они не могли знать.

Александр Ващенко, Гавриил Федорович Иванов и Милос составили в Атбасаре небольшую большевистски настроенную группу. К ним примкнули фронтвики: Иван Мищенко, Петр Басов, Федор Устич (из Омска) и большевики из сел и аулов: Григорий Скляренко, Сабир Шарипов, Адильбек Майкутов и другие. Большевистское ядро росло. Большевики разъясняли среди бедноты в селах и аулах, почему свергли буржуазию и Временное правительство, почему нужно бороться за советскую власть, за власть рабочих и крестьян, итти в ряды большевиков.

Октябрьский переворот в уезде прошел без боев. Земская управа сдгла власть без сопротивления. Организовался

первый совдеп в уезде. Председателем совдепа был избран Иван Мищенко, членами Александр Ващенко и Петр Басов.

Буржуазия, эсеры, алаш-ордынцы, русское казачество в станицах злобно смеялись над советом, обзывали советскую власть самозванною.

12-го января 1918 года в Атбасаре состоялось заседание совдепа с участием бедноты и рабочих (паровой мельницы Белова). На заседании было решено организационно оформить советскую власть на местах, ликвидировать в селах должности старост и организовать советы из бедноты, повести решительную борьбу против враждебных выпадов земской управы, эсеров и алаш-ордынцев.

Через день уполномоченные совдепа выехали на места. В селах начали выбирать уполномоченных на уездный съезд советов. К этому времени в Атбасаре был создан красногвардейский отряд. В отряд добровольно вошли солдаты местной команды и рабочие паровой мельницы — всего около 40 человек. Но нехватало оружия, многим добровольцам пришлось отказывать в приеме в отряд.

Первый съезд советов

В Атбасаре 2-го февраля 1918 года открылся уездный съезд советов. Съехалось 98 делегатов.

На грязных, обшарпанных стенах народного дома победно красовались зажигающие революционные лозунги: „Да здравствует свобода трудового народа!“, „Да здравствует власть советов!“.

Съезд продолжался четыре дня.

В состав уездного совета вошли Петр Басов (председатель; в настоящее время работает в Петропавловске), Мищенко, А. Ващенко, Ф. Ващенко, Косачев, Ковалев, Адильбек Майкутов, Шакан Нурумов, Ахмет Гали Усманов, Галим-Галий Усманов, Никифор Ирченко, Г. Л. Скляренко и другие.

Атбасарское русское казачество выдвинуло своих депутатов В. Чернова и Няшина. Однако с первых же дней Чернов и Няшин заняли антисоветскую линию, они отказались выполнить решение съезда „об изъятии всех капиталов у буржуазии“. И это понятно: казачьи депутаты были тесно связаны с местной буржуазией.

При станичном правлении образовался казачий комитет во главе со станичным атаманом Волостниковым. Казачий комитет немедленно начал усиленную подготовку к свержению советской власти в уезде.

400832
Тут же после съезда уездный совет начал укреплять красногвардейский отряд. За несколько дней отряд вырос до 100 человек. Закипела революционная советская работа в селах и аулах. Отобрали земли у кулаков и торговцев и стали передавать их бедноте. Из хлебных амбаров роздали бедноте семена. Наступала весна.

Отношения между советом и казачьим комитетом с каждым днем обострялись. Совет еще не окреп — настолько был слаб, что даже командировочные деньги просил у станичного правления, у атамана Волостникова, а эти деньги были изъяты у земской управы после ее ликвидации и по праву революции принадлежали совету.

Купцы, эсеры, баи и феодалы скрыто вели антисоветскую пропаганду. Когда уездный совет распустил алаш-ордынский киргизский исполнительный комитет, члены комитета тайно сговорились выехать на места. Карим Джангазин выехал в Средне-Аргинский район, Алень Джилкайдаров — в Бзганаалинский, Абыл-Касым Ансагаев — в Пришимский, а Сеильбек Джайнадаров — в Омск.

В Омске был центр Алаш-Орды Акмолинской области.

В волостях и аулах алаш-ордынцы вели агитацию против советов, за то, чтобы остались на прежних местах все старые управители, агитировали за создание отрядов для борьбы с большевиками. Они разжигали национальную вражду. Возвращавшиеся с фронта русские казаки поддавались антисоветской агитации.

Опасность антисоветской агитации нарастала. Совет срочно командирует П. Басова в Омск за оружием. Басов должен был привезти винтовки и пулемет.

1-го мая 1918 года русское казачество и буржуазия во главе с атбасарским попом Лебедевым, явившимся в полном церковном облачении, устроили открытую демонстрацию на площади, нарочито громко выражая недовольство советской властью.

Контрреволюция расправляется

Утром 2 июня по Атбасару поползли зловещие слухи. Заговорили о том, что белогвардейцы движутся с востока, заняли всю Сибирь, захватили Омск. Эти слухи создали нервное напряженное состояние в совете и во всем уезде.

Оружия и боевых припасов у совета не было. С незначительным отрядом драться против хорошо вооруженного казачества и кулачества было рискованно. Обыватели подхватывали слухи, смаковали и говорили открыто и злорадно: — Сегодня будут бить большевиков.

Из Петропавловска пришла телеграмма. Несмотря на контроль совета на телеграфе, телеграмма в первую очередь попала в руки атамана Волостникова. Только часов через 5 ее передали в совет. В телеграмме было сказано:

„Граждане Атбасара, власть насильников пала, прошу организовать земскую управу. Полковник Волков“.

На следующее утро город был окружен казачьим отрядом. Красногвардейские посты были обезоружены. По улицам разъезжали конные патрули. Большевистский отряд пригосился к обороне, однако был бессилен уже что-либо сделать.

Казачи под командой Волостникова оцепили казарму, обезоружили и арестовали красногвардейцев. Начались аресты по городу. Арестовали членов уездного совдепа Мищенко,

Ф. Ващенко, А. Ващенко, Косачева, Галима Усманова, Ковалева и других.

Никифор Ирченко скрылся в селе Мариинском. Адильбека Майкутова в Атбасаре не было: он был в это время в командировке в Пришимском районе. Басов был в Омске. К Адильбеку Майкутову послали нарочного: предупредить, что власть в Атбасаре захвачена контрреволюцией, и чтобы он, Майкутов, скрылся.

Когда арестованных членов совета вели в станичное правление, на улице собралась вся атбасарская знать. Арестованных били камнями, палками, плевали в лицо, срывали одежду.

Казачий комитет был реорганизован в уездный комитет под председательством бывшего крестьянского начальника Орлова. Аресты большевиков начались по всему уезду.

Из Омска приехал Сеильбек Джанаидаров, он был теперь уже председателем областного комитета Алаш-Орды. У него было задание организовать в Атбасаре уездный исполнительный комитет Алаш-Орды. В этот комитет вошли Алень Джилкайдаров (председатель), Ансагаев и Казбек Байгарин. Ахмет Баржаксин был назначен начальником уездной милиции.

Еще до отъезда в Омск Джанаидаров поручил комитету во что бы то ни стало разыскать и арестовать Адильбека Майкутова.

Майкутов был один из первых преданных революционеров-казаков в Атбасарском уезде. Его хорошо знала и любила казакская беднота, баи его боялись.

В июне на Атбасарской ярмарке начальник уездной милиции Ахмет Баржаксин задержал и арестовал родственников Майкутова: Баймукана Алибекова, Есенбагула Садмырбекова, Табая Джанабаева, Арыстанбека Майкутова (старший брат Адильбека Майкутова), Шабая Табаева, Кенжекара Балтабекова, Есенбека Тукуева, Искака Танбаева, Акбара Макайбетова, Досонбека Нурмухаметова и Чокана Нурумова (член Атбасарского совета).

Арестованным устроили порку. Кенжекара Балтабекова и Есенбека Тукеева запероли насмерть. Под всякими угрозами от всех родственников взяли подписку в том, что они не только укажут Адильбека Майкутова, но и сами доставят его в Атбасар. Через шесть месяцев, уже в январе 1919 года, представили Адильбека в чрезвычайный колчаковский штаб в Атбасар.

Вскоре в семипалатинской газете „Сары-Арка“ (№ 56 за 1919 г.) появилась заметка:

„Задержанные киргизские большевики заключены: в Омскую областную тюрьму — Кобай Теленгулов, Ермухамед Токпаев; в Петропавловскую тюрьму — брат Колбая Силимен Теленгулов и Шаймардан Альджанов; в Атбасарскую тюрьму — Адильбек Майкутов; в Акмолинскую тюрьму — Абдрахман Колышпаев. Во время боя Шаймардан Альджанов ранен в голову, а убиты в бою Кабаков и Кульбан Искак; киргизский суд (областной и уездный) после ухода большевиков из Семипалатинска приступил к своим обязанностям“.

Атбасарский коалиционный комитет начал ликвидацию советской власти по всему уезду.

В село Сергиевку прибыл казачий отряд в 30 человек под командой правого эсера Ускова. На сельском сходе Усков, не слезая с грузовика, долго объяснял, что, мол, „власть насильников“ пала по всей Сибири, везде организована „подлинно народная власть“, поэтому, мол, вы в Сергиевке должны создать волостную земскую управу.

Местный учитель Сергей Зиновьевич Гроза поддержал Ускова и призывал подчиниться „новой народной власти“. Речь Грозы подняла дух богатеев кулаков. Они постановили создать волостную земскую управу. Отряд Ускова вернулся в Атбасар, захватив с собой Грозу, который помогал потом колчаковцам своими доносами.

Спустя 2-3 дня тот же отряд выехал на поиски председателя Атбасарского совдепа П. Н. Басова. Басов по возвращении из Омска, захваченного чехо-словаками, скрывал-

ся в Сергиевке. Найти белым Басова не удалось. Отряд ни с чем вернулся в Атбасар.

На следующий день в Сергиевку, уже в третий раз, из Атбасара приехал белогвардейский отряд на грузовых машинах: 50 солдат и 30 конных казаков. Кавалерия оцепила село. Офицеры потребовали выдать Басова, угрожая в противном случае „арестовать его родственников, дома сжечь, а имущество забрать в казну“.

Узнав об этом и не желая подвергнуть опасности родственников и односельчан, Басов явился сам в отряд белых.

Сочувствовавшие большевикам крестьяне А. И. Максюков, И. Я. Максюков, И. В. Исайкин и другие собрали бедноту, взяли Басова под защиту и твердо заявили белому отряду:

— Басова не отдадим!

Отряд дал залп вверх.

— Второй залп будет по вас! — крикнул офицер.

Не желая погубить людей, Басов протиснулся через толпу и дал себя арестовать.

Вместе с другими членами Атбасарского совета Басов был отправлен в Омскую тюрьму. Затем он бежал и скрывался до прихода Красной армии.

Крестьянский съезд

В течение июня бело-эсерами создавались волостные земские управы в уезде. Председателями назначались прежние старшины и волостные управители, а в селах бывшие старосты.

5 июля 1918 года коалиционным комитетом был созван уездный крестьянский съезд. Съехалось до 200 человек. Клуб, где заседал съезд, был оцеплен казачьим отрядом Белова, коменданта Атбасара. Стали проверять документы, однако большевиков обнаружить не удалось.

В заранее назначенный президиум вошли: Орлов (председатель коалиционного комитета (бывший крестьянский

начальник), Сеильбек Джанайдаров (бывший алаш-ордынец, податной инспектор), Усков (эсер, директор гимназии), Евграф Белов (купец), С. Белов (комендант города), И. Г. Григорьев (заведующий русско-киргизской школой), Е. В. Ященко (эсер), Попков (подпоручик), Б. И. Чернов и Николай Пыхтеев — от русского казачества.

Никаких выборов, никакого голосования президиума не было.

Целых два часа председатель съезда эсер Усков поливал грязью большевиков, обзывая их „грабителями“, „немецкими агентами“, „разбойниками“, „антихристами“. Усков призывал объявить мобилизацию в „народную армию“ для борьбы с большевиками.

Ему подпевал Сеильбек Джанайдаров:

— Сейчас лучшие силы Сибири: казаки и киргизы объединились, и только они при нашей помощи спасут родину от большевиков.

В таком духе были все речи белых.

После перерыва дали слово делегатам с мест—фронтвикам Кошману и Плескачу. Оба оратора заявили в один голос:

— Воевать мы не хотим, никакой мобилизации не нужно. Кто хочет войны, пусть идет воевать, а нам война надоела.

Из президиума то-и-дело перерывали Кошмана и Плескача, не давали им говорить:

— Долой их!

— Это большевики!

— Изменники родины!

В зале поднялся шум.

Выступили Евграф Белов и Попков с предложением арестовать Кошмана и Плескача. Среди делегатов — движение.

Фронтвики и крестьяне из бедноты запротестовали:

— Не дадим арестовать!

— Мы тоже войны не хотим!

— Долой войну!

Но дело могло получить плохой оборот. Пользуясь суматохой, Кошман и Плескач скрылись со съезда.

На крестьянском съезде буржуазия вкупе с алаш-ордынцами решила силой мобилизовать крестьян на борьбу против большевиков.

Муйнакское восстание

Члены совета, организаторы советской власти в уезде, сидели в тюрьме. Возмущение крестьян росло. Стихийно возникает движение красных партизан.

Фронтвики Жуков и Редовский в Муйнаке (Ново-Петропавловское); Сушко и Радченко в Митрофановке; Бельмас, Нечипуренко и Филипп Калюта в Борисовке; Великанов и Лютов в селе Красная Поляна — вот руководители первых партизанских отрядов в Атбасарском уезде.

Первый бой произошел в Муйнаке.

На тайном совещании в Муйнаке решено было созвать всех фронтвиков и организовать Красную гвардию. Об этом узнали белые в Атбасаре. Красный отряд был уже значителен: имел 12 винтовок, 8 наганов, 4 шашки, не считая охотничьих ружей.

Из Атбасара в Муйнак направился карательный отряд подпоручика Попкова в 40 человек на двух грузовиках.

Партизаны провели о выезде карательного отряда и мобилизовали население на оборону Муйнака.

Вокруг села выставили заставы и полевые караулы, на улицах устроили баррикады из борон, бречек, бревен.

В 12 часов дня отряд Попкова повел наступление на Муйнак. Белые пытались прямо ворваться в село, но грузовик наскочил на зубья борон и остановился. Белые рассыпались цепью и начали частым огнем обстреливать село.

Перестрелка продолжалась недолго. Партизаны с гиком рванулись в стремительную атаку и отбросили карательный отряд.

В. А. Редовский

Муйнакский партизанский отряд решено было укрепить и пополнить. Жуков, Василий Тупицын выехали в Ново-Александровку, Поповку, Мариновку, Рыбинку и Митрофановку. Тайно созывали собрания бедноты, старых фронтовиков и молодежи, мобилизованной белыми и потом бежавшей от них.

Через несколько дней в муйнакский отряд вступило еще 70 партизан, хорошо вооруженных.

В октябре в Муйнак вторично явился из Атбасара карательный отряд: две сотни русских казаков под командой офицеров Белова и Попкова. Отряд врассыпную повел наступление на Муйнак, на этот раз с превосходными силами.

Красные партизаны решили в бой не вступать, а впустить противника в село и тут обезоружить.

Партизаны попрятались в подвалах, на чердаках, на сеновалах, в сараях. У белых создалось такое впечатление, что в селе полное спокойствие и никаких вооруженных отрядов здесь нет.

Карательный отряд без сопротивления подошел к селу. Никто его не встретил. Разведка донесла, что никого из красных в селе нет. Отряд въехал в село, разместился по квартирам. А крестьян фронтовики заранее предупредили:

— Если у кого останутся белые, начать готовить ужин и затянуть приготовление ужина до поздней ночи.

Дежурная часть белых — 50 бойцов с пулеметом — остановилась в школе; конные патрулировали по улицам села, остальные по пять человек были размещены по домам.

В 12 часов ночи, в самое время ужина, партизаны, разделившись по пять человек, обрушились на дома: почти всех белых обезоружили, забрали 30 винтовок.

Среди белых поднялась тревога. Карательный отряд открыл массовый оружейный огонь по невидимой цели. Завязался уличный бой.

Партизаны отступили из Муйнака, потеряв убитыми Фому Допира, Моисея Бондаря, Петра Решетняка, отца и двух сыновей Гайворонских. Ранили Елизавету Гречихину и еще нескольких.

Об этом восстании участник его Г. Г. Сушко рассказывает так:

— Часть конных из карательного отряда, когда расправилась с партизанами в селе, погналась за группой партизан, которые обогнули мельницу и хотели убежать в степь. Всю группу искрошили на моих глазах. Я скрылся в эту минуту в канаве на гумне, под соломой. Вижу: в мою сторону направляется конный с винтовкой наперевес. Подъехал к канаве, взял винтовку за приклад и давай штыком шарить-тыкать по канаве. Доезжает до меня. Не могу передать все, что я чувствовал в эту минуту. Я слышал все: и как гудела земля под копытами, как плевал казак на мое лицо, еле прикрытое соломой, как лошадь тяжело дышала, взопревшая, как у самой головы штык скользнул словно мышь и врезался в сырую землю, я слышал, как верховой вдруг всполошился, выдернул штык и, круто повернув лошадь, прокричал: „А! я тебя здесь ишу, а ты вон куда по-тек!“ Верховой удалялся. Я осторожно выглянул из соломы. Из кучи тел изрубленных партизан, у мельницы, поднялся товарищ Мищенко и, горбясь, побежал в степь. Казак догнал его и с криком: „становись на колени!“, в упор выстрелил ему в грудь. Мелькали фигуры верховых. Верховой, что меня преследовал, исчез. Поднялся туман, затянул гумна, все село. Выбрался я из канавы, обогнул ометы старой соломы, бросился напрямиком в открытую степь. Туман и ометы закрывали меня. Я шел прямо, потом свернул влево, в Мит-

рофановку. На Ишиме я встретил наш отряд: марииновцы шли нам на подмогу. Но я сказал им: „ребята, опоздали“:

Муйнакский отряд был разбит.

Партизаны незаметно разошлись по своим селам. Оружие они сохранили. Сохранили и затаили уверенность в конечной победе над белой гадиной.

Кровавый ставленник контрреволюции

Лицемерно выдавая себя за народную партию, Алаш-Орда с первых же дней начала активную борьбу против советской власти и коммунистической партии.

Газета „Сибирская Речь“ в № 52 от 31 июля 1918 года в заметке „Киргизский добровольческий отряд“ писала:

„Киргизским Национальным Советом „Алаш-Орда“ организуется добровольческие отряды из киргиз для борьбы с большевиками. Некоторые из этих отрядов уже принимают активное участие в боевых операциях на южном фронте. О действиях киргизских добровольцев управление Алаш-Орды постоянно извещает находящегося в настоящее время в Омске киргизского премьер-министра А. Н. Букейханова. Так, им недавно получена из Арката следующая телеграмма: „Муса присутствовал при взятии Сергиополя, приехал и лично отрубил головы девяти красным. Большевики убежали в Урджар, за ними послан отряд Габидханова“.

В августе 1918 года бело-эсеры мобилизовали в армию молодежь рождения 1898 и 1899 годов. Призванные в Атбасарском уезде были направлены в Петропавловск, но разбежались все по дороге.

Из Атбасара выезжали отряды белоказаков, ловили дезертиров.

Трудовые крестьяне, особенно фронтовики, сразу раскусили, на чьей стороне „Временное Сибирское Правитель-ство“. Крестьяне стали оказывать массовое сопротивление

мобилизациям. Из Омска штаб Западно-Сибирской армии дал следующую телеграмму (от 16 августа 1918 года, № 46):

„При осуществлении предстоящего набора новобранцев приказываю: соответствующим начальствующим лицам и учреждениям: приказывать, требовать, а отнюдь не просить и не уговаривать... Командующий армией генерал-майор (подпись)“.

Меньшевики, эсеры и алаш-ордынцы расчищали дорогу Колчаку.

18 ноября 1918 года в Омске, по указу совета министров, военный и морской министр вице-адмирал А. В. Колчак произведен в адмиралы. Государственная власть была передана ему как „Верховному Правителю“.

С первых дней власти Колчака над Сибирью нависли кроваво-черные тучи.

Жуткие месяцы разгула озверевшей от злобы и пьяной от крови офицерщины переживали и трудящиеся Акмолинской области.

Колчак подтвердил объявленную эсерами мобилизацию. В Атбасар съехались мобилизованные. Уездный воинский начальник штабс-капитан Воскресенский выстроил на площади толпу в 5 тысяч человек. Он старался разжечь „патриотические чувства“ к „отечеству“, призывал собравшихся к защите „родины“ от „разорителей большевиков“. Но он встретил отпор:

— Не пойдем убивать своих братьев и отцов!

И тут же разъехались по домам.

Немедленно были созданы карательные отряды из русских белых казаков.

Карательный отряд под командой подпоручика Попкова объехал села Ново-Петропавловское, Муйнак, Митрофановку, Марииновку, Ново-Александровку, Рыбинку и другие. Пока что отряд ограничился „преупреждением“:

— Если призываемые не пойдут в армию Колчака, то будут применены решительные меры — беспощадная расправа с ними, как с изменниками родины.

Ф. И. Калюта

Одновременно была объявлена мобилизация лошадей и бричек для колчаковской армии.

Недовольство среди казакского и русского трудового населения усилилось. Население не подчинялось властям.

— Опять бойня, — со скрежетом зубов говорили фронтовики. — Не пойдем опять, — проносилось по селам.

— Не пойдем, не будем воевать, довольно!

Но в первые месяцы колчаковщина была еще крепка.

Мобилизованных под конвоем вводили на фронт. Их гнали защищать „родину“, помещиков и буржуазию.

Опять стали опустошаться села и станицы.

Начальники колчаковской милиции, Березин в Атбасаре, Белецкий в Кокчетаве творили расправу и бесчинства.

„Хто хоче, хай пышется“

После освобождения из-под ареста в Атбасаре Ф. И. Калюта поселился в деревне Каскатау, Кокчетавского уезда. Он тут же приступил к организации самостоятельного партизанского отряда.

Маленькая деревня Каскатау спряталась в густых березовых колках. Поблизости крупный сосновый бор, Тюхтинские сопки. Сибирская зима захоронила деревню в толстых покровах снега.

В деревне тихо, в лесу тихо, даже зайцы в сопках при-
тихли. А у человека на душе неспокойно. Ветер метет поземку, несет белесую пыль на гребни сугробов и кажется — в самое сердце впиваются острые снежные иглы.

Вот налетит белый зверь-человек, от руки его красные рубцы взбугрятся на теле, от ветра тяжелые мерзлые трупы будут стукаться в белые стволы берез. Село превратится в догорающий костер.

Так и было там, где проходили карательные отряды Колчака.

2 марта 1919 года вечером, едва зашло солнце, и сугробы окрасились в багрянец, один за другим собирались фронтовики в хату плотника Бельтюкова. Было назначено важное собрание.

При тусклом мигающем свете коптилки, в избе „дяди Миши“ уже не первый раз собирались партизаны, называющие себя большевиками. Их 17. Собрание открыл Бельтюков.

Доклад был краток. Докладчик Калюта сказал сосредоточенно и скупно:

— Там, в центре, советская власть. А мы каждый день в страхе за свою жизнь. Нужно организовать, собрать оружие. А потом по всем селам соберем фронтовиков. Погляди: нас много. Коли нужно — выступим, пробьемся к красным, и все будет ладно.

Помолчали, раздули огоньки цыгарок.

— Весна на носу, — продолжал Калюта, — и весне нужно готовиться. Винтовок у нас только семь, это мало. У каждого чтобы было оружие. А пойдем сперва на Атбасар, потом на Кокчетав. А там — к сибирякам, слышь, Каширину, Щетинкиву, Громову. Разобьем Колчаку тыл, соединимся с красными, а там будет видно.

— Напрасно все это затеваете, — медленно возразил Степан Тимошенко, — ничего из этого не выйдет. Нужно обождать: вот красные подойдут поближе, тогда так... А то кто его знает.

— Тебе ветряка жалко! — перебил Леонтий Стрельцов, — можешь себе гарниры собирать, мы пока тебя беспокоить не будем.

В уголке засмеялись.

— Оружия мало. С чем пойдём? С голыми руками?— заговорил Кузьма Жила,— нечего и думать, пуста затия, придут и як малых птенцев заберут и на сосну.

— Да, действительно, и думать больше нечего,— досадливо сказал Григорий Грицаенко, сапожник. — Мы уже все думали-передумали, видали и знаем, что все равно нас перевешают беляки, капнут нам. Так что ж нам лучше: ждать, пока придут и перережут, или к Колчаку итти против красных? Оружия мало? Что пока есть, то и ладно. Надо шевелиться, искать оружие, а на месте сидеть будем, хуже будет.

— Это правильно,— бросил Андриян Дубовой,— найти можно, покопаться надо. И у нас в поселке кое-чего найдем.

У порога, на корточках, упершись спиной в косяк двери, сидел с кисетом в руках Павел Ворона. Был он мужик суровый, не любил много разговаривать. А ежели скажет, значит обдуманно, значит так тому и быть должно.

— Довольно растабарывать,— сказал Ворона,— пиши, Сергей, список. Кто хоче, хай пышется, а кто не хоче, хай куды хсче.

И список составили. Записалось девять человек. Командиром назначили Калюту.

Яловицын из села Тученки заявил:

— Я сегодня же соберу своих ребят, тоже будем готовиться.

На том и порешили, и разошлись с собрания. Сказано было каждому быть наготове: найти оружие, лошадь, все необходимое, выступать в конце марта.

Партизаны вооружались. Население сочувствовало им. Каждый день приносили винтовки, шашки, патроны. Несколько человек направились к лесничему Василию Репину. Репин дал две винтовки, немного патронов и пару лошадей с седлами.

Отряд пополнялся. Записалось уже 29 человек. Собрали 17 винтовок, несколько шашек, тесаков, бомб. Только вот патронов было мало.

Собрали общее собрание граждан села Каскатау. На собрании твердо порешили:

— Не давать солдат Колчаку, не идти в его армию.

Колчаковской власти не признавали. Податей не собирали. Село Каскатау стало партизанским очагом.

Пришли вести: партизаны не одни, красные отряды организуются и в окрестных селах: в Тученке, в Веденовке, в Николаевке, в Веролюбовке (Сухая Речка).

А в Марииновке организован партизанский штаб и сформировано несколько отрядов.

Движение растет

Знет колчаковщины в Атбасарском уезде усиливался. Из русских казаков и милиции создавались карательные экспедиции и отряды.

Насильно взятая молодежь дезертировала из колчаковской армии, возвращалась домой и шла в партизаны.

5 марта 1919 года Колчак объявил новую массовую мобилизацию. В Атбасар пригнали десятки и сотни мобилизованных. Старые фронтовики повели среди молодежи усиленную большевистскую агитацию. Они призывали мобилизованных к решительной борьбе с Колчаком. Агитация возымела действие. Дошло до открытой борьбы. Солдаты бросали в офицеров камнями. На улицах открыто пели: „Смело, товарищи, в ногу“ и другие революционные песни. Местная буржуазия не на шутку струхнула.

Мобилизованных направляли из Атбасарского и Кокчетавского пересыльных пунктов на Кустанай. Белые боялись массового скопления войск в Петропавловске, боялись возмущения.

Однако возмущение произошло.

5 апреля 1919 года три с лишним тысячи мобилизованных из Атбасарского, Кокчетавского и Кустанайского уездов, под командой Жилиева (впоследствии изменившего

советской власти) и Тарана (убитого потом белыми в Тургае), подняли восстание в Кустанае. Среди населения распространялись воззвания. Вот одно из воззваний:

„Братья крестьяне!

Адмирал Колчак, подкупленный иностранцами и буржуазией, призывает вас итти в ряды его армии и бороться за „свободу“. Но за какую свободу? С кем бороться зовет он? Об этом не говорится.

Мы разъясняем: Колчак зовет на войну против братьев, отцов и родных. Кто в рядах красных? Рабочие и крестьяне. Как же мы, крестьяне, пойдем на крестьян?

Этому не бывать.

Против кого воюют красные? Против генералов, против буржуев, против помещиков, против фабрикантов. Ясно, как день, что мы пойдем воевать против буржуев, а не против красных...“

Вот другое воззвание:

„Товарищи крестьяне!

Вместо того, чтобы итти в солдаты к Колчаку, организуйте отряды, бейте колчаковскую власть, милицию и офицерство, устраивайте восстания и боритесь за власть Советов.

Боритесь с надеждой на подмогу. Красные уже близко и буржуям гибели не миновать.

Группа советских партизан“.

Эти воззвания доходили до крестьян, зажигали сердца. Крестьяне шли в партизанские отряды, расстраивали тыл колчаковской армии.

Во второй половине марта от атамана Дутова из Оренбурга приехали 40 оренбургских казаков. Им поручили конвоировать мобилизуемых в Атбасарском уезде лошадей и подводы для белых.

Из волостей уже согнали сотни подвод. На базарной площади фронтовик Иван Плескач выступил с обращением:

— Не давать лошадей и подвод врагам народа!

Крестьяне разъехались по домам.

Это было уже открытое сопротивление.

Начальник местной команды штабс-капитан Воскресенский решил принять меры против бунтовщика-большевика Плескача. В ночь на 25 марта один из солдат, который обучался у Плескача в местной команде, сообщил, что его, Плескача, белые хотят арестовать. Плескач с Пидоричем скрылись на родину, в Любимовку. В Любимовке были Т. Е. Новак и другие скрывшиеся от мобилизации.

По инициативе Плескача был организован отряд партизан в 22 человека, и произведен ими обыск в сельском правлении.

В отряд вступили товарищи из сел Болонковки, Калача и Кобитовского. Отряд вырос до 40 человек. Вооружились кто чем мог. В Красивинском районе отобрали у трех колчаковских милиционеров трехлинейные винтовки с патронами.

В эти дни в Андреевку, Кокчетавского уезда, прибыл карательный отряд. Ночью в школу, где расположился отряд, партизаны бросили бомбу.

Пришло известие, что в Анновке и других селах Кустанайского уезда против белых действует отряд партизан под командой Ковалева, что в Кустанае готовится восстание. Решили идти на подмогу. В Красивом решили сначала обезоружить всю колчаковскую районную милицию, а потом двинуться на Кустанай.

Этот план однако не осуществился. Кустанайское восстание было зверски подавлено белыми.

10-го апреля со стороны Кустаная появился карательный отряд капитана Ванягина. В селах Давыдовке, Чернозубовке, Сурках, Ново-Михайловке и Разгульном оказалось 60 дезертиров из колчаковской армии. Эти 60 явились в штаб белых на объявление:

— Кто добровольно явится, тому ничего не будет.

Но это была гнусная ловушка. После допроса всех 60 выстроили на крутом берегу Ишима на расстрел. Прозву-

чала команда: „Приготовиться!“ Застучали затворы. Никто из 60 не думал о жизни. Едва капитан Ванягин рывкнул „пли“, в этот миг Иван Козинцев, из села Давыдовки, прыгнул с кручи в реку, с ним еще один. По ним стреляли. Спутника Козинцева убили, а сам Козинцев переплыл Ишим и благополучно скрылся.¹

После расстрела 60 в Луганском, отряд Ванягина двинулся по левому берегу Ишима через Разгульное и Дальнее на Ивановку.

В поселке Разгульном белые выпороли плетью 60-летнего старика Плескача Петра Степановича, однофамильца Ивана Плескача. В Ивановке расстреляли Ивана Раевского, Федора Чернышева и Михаила Полтавцева. В Красивом в общественном амбаре колчаковцы расстреляли двух партизан, в Богословском до полусмерти заповороли красного партизана Данилевского. По дороге от Красивого до Атбасара валялись десятки трупов расстрелянных и зарубленных партизан, стариков и подростков.

Расчищая себе дорогу, отряд продвигался к Марининке, где собрались тысячи вооруженных партизан.

Атбасар был укреплен белыми, туда были стянуты многочисленные карательные отряды. Белые усиливали репрессии. Вот один характерный документ:

„Из Атбасара. Срочная.

Служебная записка по телеграфу на имя полковника Осипова. 27-е апреля 1919 года.

Для спешного распространения среди населения через управляющих Кокчетавского и Акмолинского уездов нарочными и по телеграфу:

Все старосты и сельские сходы ответственны передо мною головами и имуществом, если мною будет узнано, что находящиеся в селах дезертиры и большевистские агитаторы до сего времени находятся на свободе, то названные старосты и сельские сходы без

¹ Сейчас Козинцев — ударник Давыдовского колхоза Карагандинской области. За хорошую работу в колхозе Козинцев был несколько раз премирован.

всякого суда и следствия будут расстреляны; имущество же и скот будут реквизированы на нужды армии. А поэтому категорически приказываю: всем старшинам, старостам и обществам немедленно в своих селах арестовать дезертиров и большевиков и, давши об этом немедленные сведения мне, ждать дальнейших относительно их от меня приказаний, но отнюдь до получения от меня приказаний их никуда не отправлять. Пюлковник Катанаев. Адьютант прапорщик Балашев.“¹

Н. Ирченко

Каскатауский отряд красных

партизан, руководимый Ф. И. Калютой, расположился в сопках и лесах — на том пути, где двигались колчаковские карательные отряды в Атбасар. Партизаны внезапно напали на белых, наводили панику. Так был разгромлен карательный отряд в Веденовке. Калюта обезоружил отряд, забрал живыми трех офицеров и доставил в Каскатау.

Марииновское восстание

Первая мысль о восстании зародилась еще тогда, когда белые начали мобилизацию молодежи 1898 и 1899 годов рождения.

Под руководством Ященко И. В., Безверхова П. Б. было решено начать восстание, когда все мобилизованные соберутся в Марииновку. Но восстание было отложено: атбасарские белые власти узнали о настроениях и приготовились к отпору.

¹ Из архива Кокшетауского районного музея.

А. Л. Белаш

Партизанский отряд в Мариновке организовали И. Ященко и Алексей Лукич Белаш, вернувшийся на родину из Батума. Белаш привез с собой большевистскую литературу и вместе с Никифором Ирченко начали организовывать бедноту.

Отряд рос численно с каждым днем. В марте 1919 года в отряде были уже несколько сот партизан из окрестных сел. Вся организация Мариновки была тщательно законспирирована.

30-го марта Белаш собрал закрытое собрание всех сочувствующих большевикам. На собрании решили обезоружить районную милицию, забрать все оружие в селе и арестовать всех подозрительных. Оформили и штаб. В штаб вошли: Никифор Михайлович Ирченко (он же командир отряда), Алексей Лукич Белаш (начальник штаба), Михаил Федорович Шкуронат, Иван Алексеевич Ященко, Иван Миронович Белозеров и Константин Михайлович Ирченко. Штаб заседал в избе у Белаша. Аресты поручили произвести группе в составе Ивана Алексеевича Ященко, Алексея Ивановича Шайкина, Якова Осиповича Шайкина, Якова Белокобыльского, Безверхова Поликарпа, Ивана Васильевича Белозерова, Якова Вербицкого и Ильи Михайлова. Сочувствующим женщинам: Ксении Абросимовне Малюковой, Анне Ивановне Ященко и Надежде Афанасьевне Андреевой было поручено точно разведать, что за оружие есть у милиции и где оно хранится.

В тот же день женщины под случайным предлогом зашли на квартиру колчаковца Ивана Константиновича Булавина. У него были в сборе: врид. начальника колчаковской район-

ной милиции Е. М. Глазунов, Иван Шайкин, Кузьма Палагута, Илья Булавин, Шушмарченко, Мигунов, Анастасия Язова и Варвара Глазунова.

Белые обсуждали, как донести атбасарской уездной власти, что в Марииновке готовится восстание. На дворе в подвале были скрыты три оседланных лошади.

Малюкова узнала, что в милиции четыре винтовки, две шашки, наган и семь ящиков бомб.

Партизаны захватили и арестовали милицию, а оружие изъяли. На следующий день кулачка Анастасия Язова все-таки сумела выехать в Атбасар и рассказала там о готовящемся партизанском восстании в Марииновке.

В Атбасар сбежали марииновские кулаки, а после колчаковские шпионы: Георгий Васильевич Язов, его сын Яков, Петр и Иван Яровые и их сестра Евдокия Удимова.

После того, как партизаны арестовали работников белой милиции, на площади был собран сход всей Марииновки. На сходе окончательно сформировали отряд.

События нарастали.

Из Атбасара прибыл в Марииновку вестовой, русский казак Александр Первушин. Он привез пакет с запиской. В записке уездная власть требовала освободить Ященко, председателя уездной земской управы и других работников сельской милиции.

Значит, в Атбасаре узнали о грозе, которая собиралась в Марииновке! Вестового арестовали и сдали на поруки кулаку Бойко, от которого он сбежал в Атбасар.

И. В. Белозеров

9-го апреля в полдень со стороны Атбасара появился конный отряд из 60 русских казаков под командой офицера Петра Белова и начальника Атбасарской уездной милиции Березина.

Белая разведка из семи человек окольным путем, по указанию мариинских кулаков Якова Язова и Ивана Ярового, перебралась вброд через речку Балдарган и ворвалась в Марииновку. Оставшиеся 53 казака за селом захватили у казаков-кочевников табун лошадей и стали гонять его по дороге, нарочно поднимая пыль, чтобы навести панику на марииновских партизан.

Разведчик подскочил к избе сельского правления и гаркнул в раскрытое окно:

— Где Ирченко?

— Я Ирченко! — выкрикнул партизан, выхватил наган и открыл стрельбу по белым.

От неожиданности разведка опешила и, повернув коней, обратилась в бегство. Ирченко ранил разведчика Бредихина. На выстрелы сбежались партизаны Василий, Иван и Михаил Белозеровы, Степан Шкуронат, Алексей Шайкин и другие. На площади отступала бело-казачья разведка. Партизаны открыли по ней огонь. В бою был убит Михаил Белозеров и двое были ранены. Партизаны начали погоню и преследовали белых за сопку Куян.

После этой первой стычки марииновский штаб выпустил воззвание к крестьянам и партизанам окрестных сел.

Воззвание гласило:

„Товарищи крестьяне!

В Марииновке создан штаб для руководства восстанием и организован партизанский отряд. Все, могущие владеть оружием, вооружайтесь чем кто может и вступайте в этот отряд для борьбы против душителя Колчака.

Командир отряда Ирченко
Начальник штаба Белаш“

С этим воззванием были посланы от штаба Семен Купцов, Годун, Каленик и другие в села Митрофановку, Ново-Александровку, Ново-Петропавловку, Поповку, Сергеевку, Ковыльное, Старый Колутон, Ягодное, Новый Колутон, Ново-Братское и в другие села Атбасарского уезда; в села Степное, Таволжанское, Богородское — Акмолинского уезда; в села Васильевское, Сухореченское, Тучное, Каменку, Николаевку — Кокчетавского уезда и в Келлеровку — Петропавловского уезда.

В этих селах начали усиленно готовиться к восстанию. Собирали все, какое бы ни было оружие. Кузнецы круглые сутки ковали пики, отливали из свинца пули, ремонтировали оружие.

На сельских сходах выносили решения оказать продовольственную помощь красным отрядам. Крестьяне давали деньги, лошадей, брички.

После первого визита карательного отряда в Марииновку большая часть женщин выехала в близлежащие села и просто в степь.

Готовились к решительному бою. Каждый день прибывали в Марииновку новые отряды партизан. Из Ковыльного прибыли 45 человек под командой Василия и Федора Козубовых. Из Старого и Нового Колутона — отряд в 150 человек под командой Николая Марченко и Николая Горбунова, из Ново-Петропавловки — 102 человека под командой Редовского и Сердюкова.

Марииновка была очень удобным стратегическим пунктом для собирания сил.

Три реки окружают Марииновку: Старица, Колутон и Ишим — с запада, юга и востока, а с северо-западной стороны Марииновку огибает речушка Балдарган.

Началось весеннее половодье. Реки разлились, и на 20 километров образовалась сплошная необозримая вода.

На рассвете 19-го апреля 1919 года с северной стороны Марииновки появились из Атбасара три сотни русских казаков под командой Белова. Карателей опять встретили местные кулаки Язов, Яровой и Михаил Шушмарченко.

К. А. Малукова

Конная разведка партизан обнаружила белых. Партизаны немедленно рассыпались по окраине в цепь и приготовились к атаке.

Карательный отряд гнал впереди себя для прикрытия табуны байского скота и под завесой пыли вплотную подошел к речке Балдарган.

Здесь белые окопались и открыли сильный ружейный и пулеметный огонь по Марииновке. Бой длился с 6 часов утра и до 8 часов вечера. Три раза бе-

лые переходили в конную атаку, но каждый раз партизаны отбрасывали их за речку Балдарган.

К 8 часам вечера в Марииновке подняли на ноги все население. Мужчины и женщины (руководимые Ксенией Малуковой, Рожковой и Кулаковой) пересели на коней. Развернув цепь по всему фронту, партизаны с криком „ура“ перешли в контратаку на белых.

Исход боя определился. Противник бежал.

Конница партизан под командой Овчинникова 8 километров гнала белых, бежавших в полном беспорядке. В рядах партизан мужественно дрались казаки (кочевники) Кошебай, Абдельдинов, Шайке и другие.

Офицер Белов был ранен в бою, упал с лошади и был подобран своими. Лошадь сама примчалась в Марииновку. В сумке, прикрепленной к седлу, были найдены списки и приказы. В приказах говорилось:

„Взять село Марииновку во что бы то ни стало, всех жителей уничтожить поголовно, а село сжечь дотла“.

Но борьба не была кончена. В ту же ночь противник вернулся обратно. С помощью марииновских торговцев и кулаков, знавших брод через речку Балдарган, белые захватили сопку Амантай.

Надо сказать, что партизаны допустили большую ошибку: они не заняли сопку Амантай. Сопка была важным ключом к победе: днем отсюда видны все улицы села. Партизаны были открыты для обстрела.

Заняв выжидательную позицию, белые ждали подкрепления из Атбасара. В то же время они отрезали Марииновку от соседних сел Ковыльного, Старого Колутона, Таволжанского, Ягодного и других. А эти села являлись как раз тылом для Марииновки.

Во-всю заработали шпионы кулаки и попы. Кулак из села Ковыльного Трофим Новак снабжал продовольствием карательный отряд.

Однако положение марииновцев было отнюдь не безвыходно. Со стороны Кокчетова дорога была открыта и в Марииновку стали прибывать свежие силы партизан. Всего собралось около 3 тысяч человек.

Издалека, за 380 километров, из Петропавловского уезда в Марииновку прибыл отряд немцев партизан в 90 человек (из села Келлеровки).

Из состава всех отрядов было сформировано четыре батальона и эскадрон кавалерии в 120 сабель. Командирами батальонов назначены: первым—Николай Марченко, вторым—Константин Ирченко, третьим—Иван Белокобыльский, четвертым—Иван Белозеров; командиром эскадрона—Овчинников. Командующим всеми силами был назначен Никифор Ирченко, а начальником штаба—Белаш. Вооружение было следующее: 120 трехлинейных винтовок, 70 наганов, 75 пистолетов, 1082 охотничьих ружья, 10 ящиков бомб. Кроме того имелись пики, штыки, кинжалы.

Батальонам были отведены боевые участки. С северо-запада, с севера и северо-востока вплоть до реки Старицы площадь была занята. В окопы выставлены заставы и поде-

вые караулы. Въезд и выезд из села без пропусков был воспрещен.

21 апреля партизаны получили сведения, что со стороны Красносельского на Марииновку движется карательный отряд.

Навстречу противнику выслали конную разведку. Разведка партизан захватила в плен конную разведку белых вместе с командиром Бредихиным. Это возымело действие. Противник отступил в Атбасар.

В тот же день в Марииновку прибыл из Акмолинского уезда партизанский отряд фельдшера Гарламова. Гарламов собщи́л, что из Акмолинска идет карательный отряд офицера Васильева в 500 штыков с пулеметом и со 120 кавалеристами.

Командующий Ирченко немедленно отдал приказ:

— Выделить 500 бойцов и обойти противника с левого фланга.

В ночь на 22 апреля партизанский отряд встретил противника в казакском ауле, за Старым Колутоном. Бой продолжался свыше двух часов. Белые были отброшены в сторону Акмолинска, потеряв нескольких убитыми и ранеными. В числе трофеев был взят пулемет в брезентовом чехле. Когда сняли чехол, под ним оказалась... огородная трещотка.

Из партизан был тяжело ранен в бою Степан Кожевников. К нему подъехали товарищи Белозеров и Редовский и хотели подобрать его с поля. Кожевников принял их за белых, вынул наган и с криком: „Не сдамся гадам живым в руки!“ — застрелился. Так нелепо погиб один из преданнейших красных бойцов.

25 апреля в Марииновке на площади созвали общее собрание партизан. Стали решать, как действовать дальше.

Ирченко и Белаш высказали такое мнение:

— Мы заняли в Марииновке оборонительную позицию. Выходить отсюда нам никуда не нужно. Никакая сила нас здесь не возьмет.

Партизаны из других сел разделились во мнениях.

Одни говорили:

— Надо немедленно всем отрядом двинуться на Атбасар, вооружиться его оружием, взять Атбасар, разоружить гарнизон белых и двигаться дальше на Петропавловск.

Другие говорили:

— Надо сейчас же разбиться на мелкие отряды. Мелкие отряды неуловимы. Между отрядами держать связь, делать внезапные налеты на Атбасар и Кокчетав. На белые отряды наводить панику. Отвлекать противника от фронта.

Долго обсуждали. В конце концов победила точка зрения руководителей штаба Ирченко и Белаша.

Партизаны остались в Марииновке и заняли оборонительную позицию.

Некоторые партизаны, несогласные с таким решением, начали самовольно уходить. Отряд начал распыляться. Дисциплина падала. Доверие к штабу пошатнулось. Ослабляемость. Во-всю заработали белые шпионы.

Кулачка из села Ново-Александровки Евдокия Кучман, Петр и Иван Яровые, Анастасия Язова, жена урядника Екатерина Швецова и другие доносили в Атбасар обо всем, что делалось в Марииновке. Руководители марииновского штаба вступили в переговоры с уездной властью. Они написали в Атбасар такую „ноту“:

„Предлагаем вам сдать без боя. Мы имеем армию хорошо вооруженную не только пулеметами, винтовками, бомбами, револьверами, но и шестидюймовыми орудиями. В противном случае, если не сдадитесь, то мы настолько сильны, что вас шапками закидаем“.

Над этой „нотой“ в Атбасаре ехидно смеялись. Белые власти готовились к подавлению Марииновского восстания, стягивали в Атбасар карательные отряды.

В это время в селе Сергиевке, в 18 километрах от Атбасара, образовалась группа красных партизан под руководством П. Ф. Целых и Якова Кошмана. Она поддерживала

тайную связь с марииновскими партизанами через нарочных. Узнав о событиях в Марииновке, сергиевские партизаны сообщили штабу, что они, сергиевцы, готовы поддержать восстание, если будет начато немедленно наступление на Атбасар с двух сторон: марииновцы с востока, а они, сергиевцы, вместе с партизанами из других сел — с запада. Сергиевцы предлагали марииновцам немедленно выступить на Атбасар, но ответа не получили.

Сергиевцы выслали в Атбасар для связи в местную команду солдат своего представителя Исайкина. Исайкин через С. И. Белозерова установил, что настроение у солдат было единодушное.

— Если погонят местную команду в Марииновку, примкнем к восстанию.

Однако солдаты, зная усиленную работу контрразведки, боялись, что белые могут оружием заставить стрелять в восставших партизан. Поэтому они сделали так: из боевых патронов вынули пули, выбросили порох, насыпали в патроны песок и обратно вставили пули. Так были разряжены все патроны. Об этом они и сообщили марииновскому штабу.

Контрразведка пронюхала историю с патронами. Тут же всю команду обезоружили за связь с марииновцами, а С. И. Белозерова расстреляли.

В Атбасаре Исайкин поступил на работу к садовнику городского сада Костинскому и продолжал секретную работу: аккуратно оповещал обо всем сергиевских партизан, а те в свою очередь — марииновский штаб.

В штабе марииновцев однако сильно преувеличивали панические настроения у белых в Атбасаре. Марииновцы сами не учли того, что, заняв оборонительную позицию, они тем самым дали белым возможность окружить себя, отрезать от других партизанских отрядов.

И белые начали расправу.

Выехавших в поле пасти скот марииновских крестьян Плюту, Филипенко, Неевина, Булавина и Ткачева захватила

казацья разведка. Целых 55 километров гнали их верховые плетями. Булавина живым сожгли на костре. Ткачев умер от испуга. Остальные сумели ночью скрыться.

Хозяйства крестьян разорялись. Марииновка в эту весну ничего не сеяла.

В ночь на 29 апреля карательный отряд капитана Ванягина (пять казачьих сотен) занял Митрофановку, что в 8 километрах от Марииновки.

Сотня русских казаков под командой офицера Васильева, выехавшая из Атбасара, переехала речку на лодках между селами Сергиевкой и Вторым Ишимским, лошадой переправила вплавь и разведывала, где находятся партизаны. Начали порку и пытки крестьян. Белым удалось добыть признание, что, мол, все партизаны собрались в Ново-Петропавловке, а жители Ново-Петропавловки показывали другое, а именно, что все собравшиеся, мол, находятся в Марииновке.

Между селом Петропавловским и Атбасаром, перебравшись через реку Ишим, Васильев с сотней занял мельницы Вербицкого и Токана Бурумбаева.

Здесь казаки заporоли до полусмерти рабочего мельницы Платонова и бросили его в Ишим с криком:

— Плыви, сволочь, к большевикам в Марииновку!

Но чудом Платонов не утонул, а добрался вплавь до другого берега. По нем открыли стрельбу, но безуспешно. На мели между Колутоном и Ишимом Платонов отвязал с прикола рыбачью лодку и под градом пуль поплыл в Марииновку. Там он дал знать штабу о появлении сотни Васильева.

В Митрофановке противник ждал подкреплений из Атбасара и днем 29 апреля пробовал пулеметы. Выстрелы были слышны и в Марииновке.

Руководители штаба созвали общее собрание. На собрании было решено защищать Марииновку до последней капли крови: отстоять или умереть всем.

Вся Марииновка была забаррикадирована плугами, боровами, бричками с сеном. Крестьяне снабжали партизан про-

Мариинское восстание

довольствием. Пищу бойцам в окопы носили женщины и подростки. Это ободряло бойцов.

В 4 часа утра 30 апреля, сменившись с караулов, бойцы шли с песнями на отдых.

Ой, на го-о-р-и калына...

П-ид горою малына...

Чубарики, чуб-чи-ки, калына,

Ка-а-а-л-ы-на, калына.

Там дивчина ходыла

Х-о-о-д-ы-ла, ходыла.

Цв-е-ет калыны ло-ма-а-ла,

Л-о-ом-а-ла, ломала.

У-у-у пуче-ечки вязала,

В-я-з-а-ла, вязала.

Н а-а-а дорожку бросала,

Б-р-о-с-а-л-а, бросала...

Как бы в ответ на песню по улицам Мариинки застрочили пулеметы, захлопали оружейные залпы перекрестным огнём.

Под прикрытием огня, капитан Ванягин, полковник Катанев, офицеры Белов и Попков под командой генерала Волкова окружили Марииновку кольцом и повели усиленное наступление.

Колокола ударили в набат.

В тревоге вздыбилось все село.

Проносился мягкий, приглушенный топот лошадей, выли собаки, ржали лошади, ревели коровы, блеяли овцы. Кричали женщины и дети, охали старики, слышались стоны.

В разных местах слышалась команда:

— Товарищи, вперед!

— Занимайте позиции!

— Наступают!

С винтовками наперевес бежали бойцы в окопы, их перегоняли мужики с вилами, топорами. Жарко было! Но боевой дух партизан решил дело.

Передовые цепи противника сдали назад. Вот летит автомашина, в ней генерал Волков и марииновский кулак Яровой.

— По машине кровожадного пли! — раздается команда.

Гремит дружный залп партизан. За машиной несутся белоказаки. Они вытягиваются в седле, машут высоко клинками и откидываются на спину.

В это время на помощь к марииновцам продвигался отряд Ф. Калюты. В селе Добровольном он получил от марииновцев сводку о том, что партизаны геройски сражаются, успешно отражая наступающих из Атбасара казаков.

В Новом Колутоне Калюта узнал, что на Марииновку и Ковыленку наступают вооруженные карательные отряды. Разведка подтвердила эти сведения.

Филипп Калюта с отрядом отступил назад, на Кудуки, прорваться сквозь цепи врага не было никакой возможности.

Белые усиливали атаки.

Решительной конной атакой с севера белые прорвали цепь марииновских партизан. Пьяная ватага с гиком и криком „ура“ ворвалась в Марииновку и расколола партизанский отряд на две части.

Белоказики подкатили бочки с керосином, обливали хаты и зажигали. В одну минуту в Марииновке загорелись 55 домов. Высоко запылали огненные столбы.

Стальное кольцо белых быстро сжималось. Цепи партизан дрогнули и отступили внутрь села. Начался жестокий уличный бой. Враг победил. Пошла беспощадная расправа: стреляли, рубили, кололи пиками и штыками не только бойцов, но и безоружных стариков, женщин, подростков. Грудных детей сажали на пики на глазах у матерей.

В четыре часа ночи подступавший к Марииновке партизанский отряд под командой Калюты был обойден с тыла белым карательным отрядом Шайтанова.

Калюта был разбит. Из 370 человек в живых осталось очень мало.

Кровавый разгул в Марииновке продолжался с 4 часов утра до 9 часов утра следующего дня. Партизаны отступали в разные стороны. Слышались стоны, крики, причитания. Над трупом замученного Голованова убивалась в причитаниях вдова:

„Мій чоловіче, моя дружина,
На що ж ты мэнэ покинув,
З малими дітьми на чужій країні?
Що ж я буду з малими робыты?
Як мы, несчастні, будем
Без тэбэ на світі жыты“.

Отступающие бойцы бросались в Ишим, а кто не успевал, того рубили. По пловцам с берега гремели залпы. Спаслись отдельные счастливыцы, переплывшие разлив трех рек. Таковы В. А. Редовский, Н. Горбунов, С. Сердюков, В. Мынзер, Кирпа, А. Жижимов, И. Белокобыльский, В. Крючек, И. В. Белозеров, Щека и другие. Партизаны, спрятавшиеся в подвалах, погибали в огне, а захваченных выстраивали десятками и расстреливали из пулемета.

В селе распоряжался начальник Атбасарского гарнизона казачий капитан Шайтанов. Под его председательством был устроен военно-полевой суд в составе полковника Катанаева

и капитана Ванягина. В помощь суду „работала“ комиссия из местного марииновского кулачества: Семен Бойко, Куприян Скляренок, Дмитрий Чупилко, Егор Язов, Дмитрий Кулаков, Тимоха Шиян, Михаил Шушмарченко, Афанасий Полагута, Иван Попов, Василий Шайкин, Иван Шаховец, Егор Глазунов, Филипп Шушмарченко и Муромец.

Белогвардейский самосуд

Суд расположился за селом на сопке Курган, в полукилометре от Марииновки, на Акмолинском тракте. Прямо у стола, на сопке стоял пулемет. Расправа была короткая. Стемнело. Зажглись костры. Закипели чайники и котлы. Началось пиршество. Выпивая и закусывая, белые „судили“ и расстреливали.

Все население Марииновки выгнали к сопке и поставили на колени. Насиловали женщин и малолетних девочек.

Сотня Шайтанова с пиками и с обнаженными шашками носилась по селу, ловила участников восстания.

Русские казаки из Атбасара: Д. Няшин, А. Безъязыков и Д. Паутов бегали с факелами, поджигали дома. Крестьян заставляли запрягать лошадей, складывать все имущество на брички, а скот выгоняли к сопке.

Марииновку белые решили уничтожить, всех участников

восстания расстрелять, а тех кто им помогал, подвергнуть порке.

Творились дикие, иступленные бесчинства.

Вот вывели из избы восемь человек. Бело-казак Няшин в упор из винтовки стреляет в лоб Лупачу, Кононенко и тут же приканчивает остальных. Зверь подлетает к дому Белозерова и сразу в три окна бросает бомбы.

Расправа шла и без суда, на месте. Прокопию Манюку отрезали нос, а его брату ухо и пальцы на руках; их мать Мария Манюк тут же умерла от разрыва сердца. Петра Козырева подняли на пятнадцать пик, а его жену Марию, которая пыталась вступить за мужа, заporоли до полусмерти. Беременной Александре Савенковой распороли живот.

Так работала кровавая машина белогвардейской классовой мести.

К столу подвели 70-летнего старика, бедняка Сотникова. Кулак Семен Бойко обращается к суду:

— Эту сволочь надо расстрелять. Он обещал мне сделать ворота, взял 25 рублей задатку и не сделал.

Суд приговорил Сотникова к расстрелу. Старика тут же расстреляли.

Людей расстреливали пачками. Отводили в сторону, выстраивали в шеренгу по 30 человек. Негодяи весело упражнялись, напр. стреляли в ухо, испытывая, скольких человек может поразить одна пуля. Или делали так: выстроенную шеренгу в двадцать человек рубили или кололи и с левого фланга, и с правого. Офицеры и кулаки хлопали в ладоши и злорадно хохотали.

Белые старались изобразить восстание, как затею отдельных людей, большевиков, за них, мол, вот, и страдает крестьянство. Такие речи вели белые во дворе начальника штаба Белаша.

Здесь, прочитав подобное назидание, расстреляли Д. Жайворонка, А. Голованова, И. Ванюка, П. Малюка, И. Овчинника, С. Рябова, В. Горлова, М. Маслова и других партизан-героев.

Утром со стороны далекой Караганды и Спасского завода поднялось веселое солнце. Но не нужно было это солнце десяткам и сотням трупов; не радовало оно и осиротевших детей.

Уткнувши голову в колени зарубленного сына, Екатерина Рябова разговаривала с ним словно с живым:

Мій сыночку, мій соколку,
Мій милый, мій любый.
Як я буду бэз тэбэ жыты?
Як я буду тэбэ забуваты?
Як буду твой слідочки
Слезамі облываты.

По Атбасарскому тракту поднимались клубы пыли, скрипели арбы, гремели брички, ревели быки. Это белый карательный отряд увозил награбленное в Мариновке имущество. На сопке Курган враги еще праздновали победу.

...Вино и самогонка лились во-всю. Натешившись вволю самосудными убийствами, победители „отдыхали“, веселились.

Кулаки тоже чувствовали себя вольготно, привольно, улыбались блаженно. Кулацкие жены ухаживали за офицерами, распевали модную песенку, вывезенную из колчаковского Омска:

Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель Омский.

Обнимая грудастых кулацких жен, дочерей, офицеры с осоловелыми глазами пускались в пляс и пьяно выкрикивали:

Ой, ша-ра-ба-а-ан, мой шараба-ан, и т. д.

Так весело было на сопке. А в самой Мариновке и возле нее валялись десятки, сотни неубранных изуродованных трупов.

Ишим краснел от крови.

Над селом клубились столбы дыма и длинным языком взметывалось пламя пожара.

На огороде дети Василия Горлова Евгения, Ольга, Александра и Семен нашли своего отца. В один голос они его оплакивали:

Наш таточку, наш ріднесенький,
На кого ж ты нас покинув?
Маленьких и дрибненьких—
Що мы будем робыты
И як мы будем жыты?

Белые еще не насытились кровью. Возле дома Чеснокова они облили керосином и сожгли раненых. У партизана Андрея Пашкова обгорели руки, лопнули глаза, и его живого зарыли в землю.

Подбирать и зарывать валявшиеся трупы белые не решали.

Свиньи и собаки выедали у убитых глаза, отгрызали уши, носы и конечности, распарывали животы и внутренности таскали по улицам.

Через три дня после расправы с марииновцами, 15 мая, генерал Волков, Катанаев, Ванягин и Шайтанов с отрядами возвратились в Атбасар. В церквах отслужили благодарственные молебны. Несколько дней подряд гарнизон был вповалку пьян.

Буржуазия и офицерство произносили тосты в честь „верховного правителя“ за победу „доблестной армии“ над большевиками.

Для охраны внутреннего порядка в Марииновке остался отряд под командой офицера Васильева. Была восстановлена колчаковская милиция. Были назначены: начальником милиции Е. В. Язов, заместителем Е. М. Глазунов, милиционерами — Михаил и Филипп Шушмарченко, И. Шеховцов, Герасимов, Иван и Гавриил Шайкины, Чабанов, Н. В. Вербицкий, Булавин и Геращенко. Старостой назначили кулака Попова, а старшиной — кулака Бойко.

Милиция занялась поимкой участников восстания.

16 мая задержали: В. Х. Белозерова, М. С. Анашкина, Е. Лободу, Луку Белаша, Т. Белокобыльского, С. Горбатенко,

Т. Шкару, Т. Черняева, Н. Басенко, В. Кирноса, Стрельцова и Сокирко. Всех арестовали и отправили в Атбасар.

В Атбасаре расстреляли отца и сына Басенковых, Луку Белаша, Сокирко, Стрельцова. Остальных отпустили домой.

В тот же день арестовали еще десять человек, в том числе из Марииновки: Кучеренко, Анашкина (сына) и других. Их привели и сдали офицеру Васильеву. Тот отдал приказ расстрелять. Но стрелки отказались. Кулацкий выродок, 18-летний Дмитрий Бойко

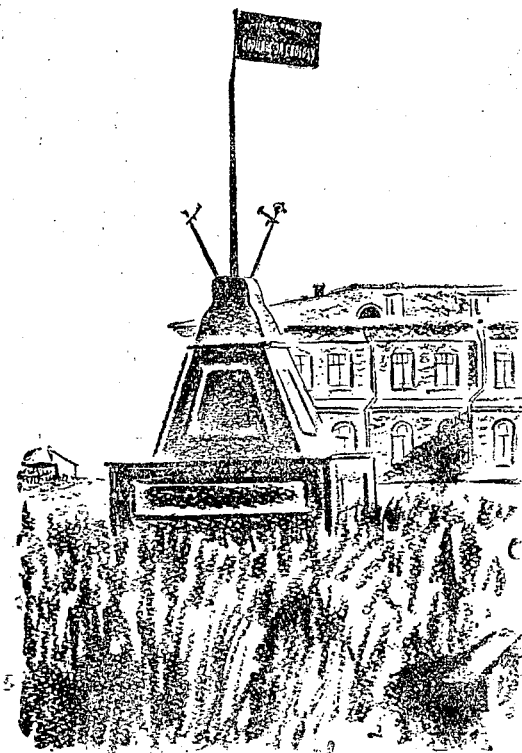
М. С. Анашкин

выхватил у стрелка винтовку и со словами „а ну-ка дай, я попробую“ перестрелял всех арестованных.

В поле белые заметили скрывавшегося Константина Ирченко. Милиция окружила его. Видя безвыходность положения, Ирченко крикнул: „врите, гады, живым в руки не дамся!“, выхватил наган и застрелился. Озверевший кулак Семен Бойко подошел к трупу Ирченко и насквозь проткнул его пикой.

Ирченко в селе хоронить не разрешили и зарыли его около дороги на Красносельское, в двух километрах от Марииновки.

Участник восстания Щека скрывался в селе Ново-Братском. Староста Новобратского Иван Яцуба заманил его и выдал милиции. Щеку избивали так, что из него получился окровавленный кусок мяса. Полумертвого его отправили в Атбасар, а там прикончили пулей.

Памятник борцам за революцию в селе Марииновке

Марииновку объявили на военном положении. Милиция по ночам делала налеты и обыски. Запрещено было зажигать свет, выходить ночью на двор, а днем собираться группами больше трех человек.

17,18 и 19 мая, с разрешения начальства, женщины вырыли девять братских могил, хоронили по 150—240 человек в каждой. Убитых в степи хоронили на месте. На братских могилах в Марииновке поставлен памятник павшим за

свободу трудового народа. О расправе с марииновцами сохранился документ — донесение белогвардейского капитана Ванягина:

„В гор. Курган. Командиру четвертого Тюменского кадрового полка. 20-го мая 1919 года. Гор. Атбасар.

12-го мая от полковника Катанаева, начальника всех карательных отрядов, я взял задачу ликвидировать красные банды, засевшие в селе Марииновке, численностью в 3000 человек. 13-го мая на рассвете атаковал Марииновку и, несмотря на упорное сопротивление красных, уничтожил в корне всю банду, расстрелял своим отря-

дом не менее 1500 человек. Лихое действие офицеров и солдат лично видели полковник Катанаев и генерал Волков, за что выразили благодарность. Генерал Волков решил представить к боевым наградам из роты 20 человек к георгиевским крестам и 20 человек к медалям, из команды 15 человек к георгиевским крестам и 10 к медалям.

О ходе боя — пакетом с нарочным. Капитан Ванягин.

Васильев со своим отрядом уехал в Атбасар, а милиция и кулацкая „комиссия“, во главе с Семеном Бойко, продолжали ловить и подвергать порке скрывавшихся участников восстания и бежавших из колчаковской армии. Отдельных направляли в Атбасар на расстрел.

„Комиссия“ Бойко представила список в 46 человек, продолжавших, по ее мнению, подпольную большевистскую работу, и послала список в Атбасар. Через две недели из Атбасара в Марииновку выехала сотня улан под командой офицера Соколова. Утром 5-го июня на площади созвали общий сход и по списку вызвали всех 46. Вызванным приказали отойти влево, а остальным приказано было не расходиться. Была устроена публичная порка. Пороли плетями, шомполами. Затем уланы были построены в две шеренги и всех запоротых пропустили еще сквозь строй. Тут били и плетями и кулаками, плевали в лицо, рвали волосы.

Из 46 большевиков шесть были расстреляны и зарыты возле озера Кочковатого, что на полкилометра правее Атбасарского тракта.

Остальных запоротых до полусмерти посадили в пустые подводы, запретив класть сено, солому, одежду, и гнали лошадей на рысях. В голых бричках тряслись избитые до полусмерти партизаны.

Ф. Безверхов был так избит, что не мог одеться. На него напялили женскую юбку и кофту, привезли в Атбасарскую тюрьму и бросили во двор. У него завелись черви, и он умер медленной мучительной смертью.

13 июля карательный отряд улан под командой поручика Куштеля появился в Муйнаке. Уланы оцепили молель-

ню, выгнали всех на улицу, приказали женщинам идти домой, а всех мужчин выпороли плетьюми.

15 июля в Марииновке выпороли крестьян И. Кулакова, Г. Рябова и М. Ящука за то, что они не сняли шапок перед командиром отряда. По подозрению в большевизме были выпороты П. Андреевко и Ксения Малюкова.

Многие участники марииновского восстания скрылись в казакских аулах. В русских селах их ловили кулаки и выдавали белым.

В седьмом ауле Амантайской волости у кочевого казака Утеева скрывался участник восстания кузнец Потапенко. В ауле Саргуль у Мухамеджана Сыздыкова скрывались: С. Кирпо и братья Василий и Федор Редовские; в ауле Сатпая скрывались И. В. Белозеров и И. Е. Ященко.

Калюту и Стрельцова укрыл кочевой казак Шайке — сам участник марииновского восстания. Калюту он завернул в кошму и положил на кровать рядом с больной матерью. На рассвете человек пятнадцать из отряда собрались в этом ауле и скрылись в степь, потом в леса. Пробрались до Петропавловска. В селении Бугровом перешли ночью фронт колчаковцев и влились в ряды частей Пятой Красной армии.

Убийства и издевательства белых по Атбасарскому уезду не прекращались.

В газете „Правда“ (№ 16 от 16-го января 1935 г.) в связи с 15-летием освобождения Сибири от Колчака появилась заметка: „Преступления Колчака“. В заметке подведен далеко не полный итог зверских расправ и грабежей в селе Марииновке Атбасарского уезда.

„Приведем показания крупного чиновника колчаковского „правительства“, чиновника особых поручений IV класса, т. е. по царскому времени статского советника, Шкляева, посланного для расследования.

Шкляев показывает: „Бывший комиссар труда и около 50 его сотрудников по культурно-просветительной работе были задержаны контрразведкой при казацком

корпусе генерала Волкова в Петропавловске и в здании Народного Дома подвергнуты порке. Особенно много пострадало восставших и случайных жертв — стариков, женщин и детей в селе Марииновке, ввиду отданного генералом Волковым приказа — большевиков расстреливать, имущество конфисковывать в казну, а дома их сжигать... Ворвавшиеся в Марииновку солдаты отряда капитана Ванягина сами определяли виновных, расстреливали их, бросали бомбы в дома, сжигали их, выбрасывали семьи расстрелянных на улицу и отбирали у них все. Сгорело тогда свыше 60 домов, погибло около двух тысяч человек“.

Но в действительности в Марииновке было сожжено 120 домов, погибло три тысячи человек. Осталось 500 вдов и 926 сирот. Вот кровавый итог расправы палачей.

Агония колчаковщины

Но и после подавления марииновского восстания тыл Колчака был далек от успокоения.

Колчак производил новые мобилизации. Крестьянство отвечало на мобилизации восстаниями. Партизанское движение росло.

Порки и грабежи со стороны белых продолжались. Полковник Катанаев разослал по всему Атбасарскому уезду эскадроны уланского полка. Уланы ловили партизан и большевиков.

В Ивановке расстреляли Федора Шершина, Устина Доценко и Ивана Павлова; в селе Бузулуке расстреляли Краснова и двух братьев Елизаровых, а дома их сожгли; в Ярославке — Шкуровского и Конверского; в Красивом — Ульяна Сосонного и Трофима Пленника; по дороге от Красивого до Атбасара, на реке Кайракты — расстреляли Трофима Нестеренко, Степана Бондаренко, Кузьму Мазненко, Петра Войтика, Бориса Новака и Петра Цыбу.

Начальник гарнизона Шайтанов более трехсот человек

убил собственной рукой. Его сотня расстреляла не менее двух тысяч большевиков, в том числе и членов Атбасарского совета. Упомянутый нами выше Майкутов, известный всей казакской бедноте Атбасарского уезда, первый организатор советской власти в уезде и член совета, был растерзан уланами на глазах толпы на улице в Атбасаре. Одновременно погиб член уездного совета Ковалев, сын бедняка из села Ковыленки Амантайской волости.

Тела Майкутова, Ковалева и еще трех русских коммунистов были найдены за городом в степи спустя несколько месяцев, когда уезд уже заняли части Красной армии.

20 августа 1919 года Пятая Красная армия перешла реку Тобол и развила наступление на Петропавловск.

Умирающая колчаковщина усилила расправы. Были созданы так называемые „волчьи отряды“ из кулаков и баев, которые буквально охотились на партизан и большевиков.

Окруженный со всех сторон белыми, партизанский отряд Ивана Плескача вынужден был уйти в Тургайские степи. Вскоре отряд был разбит, Иван Плескач был пойман бело-бандитами и заключен в Атбасарскую тюрьму в смертную камеру вместе с участниками Марииновского восстания М.С.Анашкиным, В.Х.Белозеровым, Л.Белашем, Лободой и др.

Это были те 46 человек, которых кулацкая „комиссия“ Бойко направила в Атбасар. 6 человек из них расстреляли, в том числе атбасарского большевика Шестакова.

Плескачу удалось бежать.

В октябре 1919 г. Красная армия перешла в решительное наступление. Красные партизаны, находясь в подполье, начали распространять среди населения воззвания:

„Товарищи крестьяне!

Кровь наших отцов, матерей, сестер, братьев рекой проливается от расстрелов казаков и всей своры колчаковщины.

Товарищи! Слезами наших родителей мы посланы, чтобы свергнуть палачей.

Вы — наши братья. Если вам дорога свобода, поддерживайте нас, присоединяйтесь к нам. Бейте белых — нашего общего врага, пока он слаб и малодушен. Мы идем к вам, вы должны знать, что нам одьо — жить или умереть.

Жребий брошен.

Вперед, за свободу!

Да здравствует мир и справедливости!

Ваши товарищи.*

В конце октября успешным наступлением Красной армии белые были окончательно разбиты и дезорганизованы. Дутовские части отступали в панике и беспорядке через Атбасарский уезд. Красные части их преследовали неотступно.

27 октября 1919 года красными войсками был взят Петропавловск. В Кокчетавский укрепленный район вступила стрелковая дивизия Пятой Красной армии.

В Атбасаре оставался только один колчаковский гарнизон — 120 атбасарских казаков под командой П. Белова. Они в панике отступали в направлении на озеро Кургальджин, оставив Атбасар без боя.

Васфирахман Мазгутов организовал конный отряд из десяти вооруженных бойцов и преследовал отступающих. На урочище Кара-Тумар Кургальджинского района он захватил в плен 22 человека, в том числе двух пулеметчиков Добролюбова и Авдеева из первого пластунского полка белых, отобрано пять пулеметов, 22 трехлинейных винтовки, 10 ящиков боевых патронов, 10 ящиков бомб. В четырех верстах от Кара-Тумара партизаны оцепили 120 русских бело-казачков под командой П. Белова и его помощника Седельникова. Выставив с четырех сторон отобранные у пластунцев пулеметы, партизаны первыми залпами навели панику на противника.

Мазгутов сам заехал в аул и объявил командиру Белову, что „они окружены полком Стеньки Разина“. Белые струхнули и сдались партизанскому отряду, состоявшему всего из ...10 человек.

9 ноября красные повели наступление со стороны Красносельского на Марииновку, где укрепились белые, бежавшие из Атбасара.

25 красноармейцев с винтовками-автоматами выбили противника из Марииновки. В отряде красноармейцев имелось несколько подвод с запасными винтовками — тут же были вооружены марииновские партизаны. Однако противник не хотел сдаться без боя. Отдохнув, белые повели наступление на Марииновку.

Марииновские партизаны опять героически дрались всю ночь и к утру навсегда очистили Марииновку от белых.

Начальник гарнизона Шайтанов со своей сотней был отозван в Петропавловск еще до очищения белыми Атбасарского уезда.

Ему удалось скрываться в течение семи лет.

В 1926 году Шайтанов был разоблачен на Урале в Свердловске. Он служил там в советском учреждении. Его арестовали и привезли в Атбасар, где судили. Это было во время обычной атбасарской ярмарки. На суде присутствовали тысячи пострадавших от него крестьян. Шайтанов вынужден был рассказать суду всю правду о кровавой расправе, которую он чинил над большевиками, над партизанами, над их семьями.

Суд приговорил Шайтанова к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Атбасаре.

ПЕСНЯ МАРИИНОВЦЕВ. 1

Знаем, ворон, твой обычай,—
Ты сейчас от мертвых тел.
И с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.

Это было в Мариинке,
Где кипел кровавый бой.
Бой горячий, пир „казачий“
Будем помнить целый век.

¹ „Песня марииновцев“ записана со слов участников Марииновского восстания.

И пришли туда отряды
Колчаковских палачей.
Над людьми поиздевались,
Били женщин и детей,

Расправлялись беспощадно
Бай, кулак, эсер, улан.
Зарывали в одну яму
Двести сорок партизан.

Над могилой слезы лили
Жены, матери, отцы.
В той могиле навек скрылись
Наши красные бойцы.

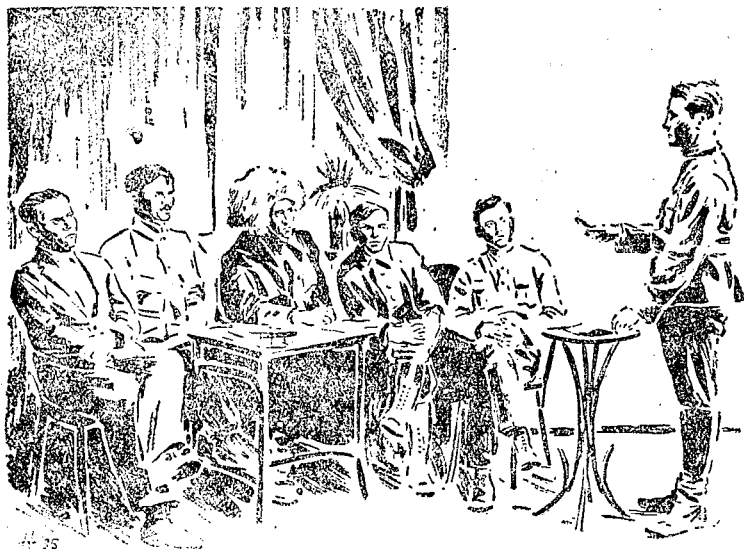
Павшим памятник поставлен,
Тем, кто шел за власть труда.
Этой власти не уступим
Никому и никогда.

Крепнет советская власть

Красные части заняли Атбасар и очистили уезд от контр-революции. В Атбасаре был создан первый уездный революционный комитет под председательством Веденева. Веденев был выдвинут на эту работу партийной организацией одной из частей Красной армии.

Первым советским активом явились красные партизаны. В Атбасаре собрались: Радченко, Белаш, Иванов, Плескач, Петрушин, Целых, Сабир Шарипов, Александр Ващенко, Федор Ващенко, Толошный и Калюта — люди, закаленные в боях за советскую власть.

Оформленной партийной организации в Атбасарском уезде еще не было. Из членов РКП(б) к этому моменту оказался только Веденев и его секретарь Топчин. В первых числах января 1920 года было созвано собрание ревкома. На этом собрании были приняты в партию Целых, Плескач, Ващенко, Калюта и другие. Тогда же была оформлена и комсомольская организация из рабочей молодежи Атбасара.

Первый Атбасарский уревком

Секретарем укома комсомола был избран Ищенко.

Вскоре от Акмолинского губкома РКП(б) из Омска приехал Умеренков.

На партийной конференции тов. Умеренков был избран председателем уездного комитета РКП(б).

Под руководством Белогубцева и Полякова организован был военный комиссариат. Плескач был назначен начальником уездной милиции.

Председателем чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем был назначен Филипп Иванович Калюта.

Со всех концов, из степей, с Карсакпая, с рудников Джекказгана потянулись в Атбасар красные партизаны. Закипела работа по созданию советов в уезде.

Атбасар был подчинен в это время Омску, как областному центру. Из Омска начали прибывать новые работники. Прибыл Петров, выдвинутый секретарем партийной ор-

ганизации вместо Умеренкова, отозванного в Омск. Прибыли Бокша, Большаков, Семкин и другие.

Огромная работа по организации советов в Атбасарском уезде выпала на долю председателя ревкома Веденева. Он происходил из рабочих Джетыгаринских золотых приисков. Малограмотность не помешала Веденеву быть политически выдержанным работником, способным организатором, хорошим оратором. Действовал он настойчиво и решительно, без всяких колебаний,

хорошо проводил линию партии. Веденев быстро завоевал авторитет среди беднейшего населения уезда. Его знали в каждом казакском ауле.

В первые дни своей работы Веденев для организации советов в селах умело использовал красноармейский актив. Он командировал красноармейцев Сергеева, Чугунова, Рыжикова, Кедыша и других в волости для организации волостных ревкомов и выявления актива в селах и аулах.

В рабочих центрах, Карсакпае и Джекказгане, фактически советской власти еще не было. Там попрежнему властвовали английские концессионеры в лице Козлова, управляющего Карсакпаем и Джекказганом, и его технического заместителя Осиповича.

Когда красные заняли Атбасар, Козлов и Осипович поняли, что красные скоро придут и на рудники. Вредители стали портить и уничтожать заводское оборудование. От агрегатов отвинчивали ценные приборы, ввезенные из Англии. Медеплавильный завод и шахты умышленно законсер-

Тов. Шумский

вировали, чтобы удобнее было растаскивать имущество. На меревались затопить все шахты.

Передовые рабочие вскрыли вредительскую контрреволюционную работу английских ставленников. Группа рабочих, руководимая фельдшером Деевым, помешала Козлову и Осиповичу разрушить завод. О положении на Карсакпае и Джебказгане Деев сообщил Атбасарскому ревкому.

Веденеев направил в Карсакпай товарищей с поручением арестовать контрреволюционеров и организовать советскую власть на заводском поселке.

На заводе была организована партийная ячейка под руководством Деева и заводской ревком во главе с Холмецким. Составили опись имущества завода и шахт. Имущество передали ревкому и партийной организации, которые организовали охрану шахт и производства. Козлов и Осипович были арестованы и доставлены в Атбасар.

В августе состоялся первый Атбасарский съезд советов. В избранный на съезде уездный исполнительный комитет вошли Умеренков, А. Л. Белаш, Комерев, Сабир Шарипов, Удре, Яцуба, Шумский (председатель уисполкома), Назаров, Бокша, Плескач, Топоров, Калюта, Николаев, Андреев, Топчин, Юсупбеков, Мазгутов, Белогубец, Кузовников и другие.

Бандитизм

Не прошло и месяца после избрания первого исполкома, как в Атбасарском уезде появились „зеленые“.

31 августа Атбасар был объявлен на осадном положении. С 10 часов вечера до 7 часов утра было запрещено всякое движение по городу.

Вся власть перешла в руки военно-революционного комитета, в составе начальника гарнизона Белогубца, заведующего политическим бюро Бокши, заведующего общим отделом Белаша, Сабир Шарипова и Петрова.

Населению было предложено сохранять спокойствие и не поддаваться провокационным слухам.

Зеленые банды скоро были ликвидированы.

Но контрреволюция на этом не успокоилась. Белогвардейщина, попы, кулаки, баи, торговцы повели контрреволюционную агитацию иными путями, через церковь, через сектантов.

Попы на проповедях толковали о нашествии антихриста, открыто говорили, что, мол, „советская власть продержится не дольше, как до пасхи“.

Распространяли записки якобы „от имени бога“. В записках было сказано:

„Каждый верующий должен передать записку девяти человекам, задержавшего ожидает большое горе“.

1920 год был годом напряженного положения с продовольствием. Нужен был хлеб. Все силы были брошены на продовольственный фронт.

Богатые кулацкие села, казачьи зажиточные станицы оказывали отчаянное сопротивление. Кулаки прятали хлеб в ямы, сыпали зерно в колодцы, перегоняли на самогон, а то и просто портили и уничтожали, чтобы не дать его советской власти.

Кулаки, пробравшиеся в советы, срывали продовольственную разверстку, которая была тогда единственной мерой, способной укрепить Красную армию и поддержать советскую власть.

Поздно ночью сквозь ветер и туман, по глубокому снегу, прошел в Новоселовку уполномоченный упродкома Никифор Емельянович Толошный, вызвал председателя волисполкома Пивненко. Было созвано срочное заседание волисполкома.

При обсуждении цифры разверстки, падавшей на Новоселовку, разгорелся спор. Отдельные члены волисполкома говорили, что хлеб нужно оставить не только на семью и на посев, но и на весь скот, какой есть в хозяйстве.

Член волисполкома Зенин открыто защищал кулацкую антисоветскую политику.

— У меня было тридцать десятин посева. Так? Я обмолотил десять, собрал пятьсот пудов хлеба. У меня двадцать

голов крупного скота, пять свиней, овец и шесть человек семьи. На семью на каждого едока по двадцать пудов надо? Вот тебе сто двадцать пудов долой — верно? На пять свиней пуд в день тоже надо, вот уже триста шестьдесят пять пудов. На рабочий скот пудов по пять следует положить? Вот вам и весь хлеб. А разве коров, овец, птицу кормить не надо? По вашему получается — не надо. А вы наложили на меня триста пудов, а где я их возьму?

Кулаку поддакивали другие члены волисполкома.

А у кулаков и зажиточных тысячи пудов хлеба лежали необмолоченные.

Вокруг хлеба шла бешеная классовая борьба.

Белогвардейцы и эсеры организовывали вооруженные банды, которые нападали на продовольственных и советских работников.

В районе Карсакпайского завода появилась банда Кийке, организованная казакскими баями и феодалами. В банде было не меньше трехсот человек. Все имели лошадей и хорошее оружие. Бандиты терроризовали население, производили налеты на села, грабили крестьянские хозяйства, убивали советских работников. Тогда же был убит участник Мариинского восстания И. Е. Яценко.

Отрядом атбасарской милиции под командой Мазгутова бандитская шайка была разбита. Кийке бежал.

Эсеровско-кулацкое восстание 1921 г.

Остатки белогвардейщины, эсеровские и кулацкие элементы под руководством белых офицеров в феврале 1921 года подняли широкое восстание. Восстание поставило целью свергнуть советскую власть в Сибири.

Бандиты действовали под лозунгами:

— Советская власть без коммунистов!

— Да здравствует вольная торговля!

Руководители восстания привлекли на свою сторону обманом, хитростью и мобилизацией, под угрозой оружия

слои крестьянства и русского казачества, недовольного продовольственной разверсткой.

Восстание началось в Ишимском уезде Тобольской губернии, в отдаленных зажиточных селах и хуторах, где сгруппировались белогвардейские офицеры и эсеры.

Восстание ширилось с поразительной быстротой.

„Народные“, как они себя называли, банды захватывали все новые и новые села. Они поголовно вырезали партийных и советских работников. В своих издевательствах бандиты доходили до иступления.

Мучили, пытали. На теле коммунистов, советских и продовольственных работников, бедняков и середняков, сочувствующих советской власти, вырезывали пятиконечные звезды, ремни, рубили и расстреливали.

13 февраля 1921 года повстанческие банды взяли Петропавловск, подступали к Кокчетаву. Словно по сигналу вспыхивало повстанческое движение в станицах русского казачества Челкаре, Лобанове, Арык-Бальке, Верхнем-Бурлуке, Нижнем-Бурлуке, Акан-Бурлуке, Якши-Янгиставе, Имантаве, Сандыктаве и в зажиточных переселенческих селах Константиновке, Михайловке, Максимовке, Владимировке и других.

В Акмолинской области главный бандитский штаб был расположен сперва в Кокчетаве, затем в Сандыктаве и наконец в одной из самых контрреволюционных станиц — в Лобанове.

Бандитами руководили казачий подполковник станицы

В. В. Бокша

Нижне-Бурлукской — Пелымский и подхорунжий Федотов, кулак станицы Якши-Янгиставской.

Положение города Атбасара и его уезда было критическое. Всякая связь с областным центром Омском была прервана. В самом Атбасаре и в уезде с часу на час ждали восстания. В Атбасаре были незначительные воинские части, коммунистический отряд был слаб. А ведь на маленький степной городишко наступала четырехтысячная вооруженная банда.

Кокчетавский уездный военком Воронов по прямому проводу сообщил в Атбасар военкому Сергееву, что в Кокчетаве создана революционная военная тройка, в городе и в уезде объявлено военное положение, в боевой готовности отряд в 400 человек и два пулемета.

Тут же у аппарата выработали проект связи с Омском через Акмолинск и Павлодар, обеспечили меры охраны телеграфной линии Кокчетав—Атбасар. На экстренном заседании руководителей уисполкома, политического бюро увоенкомата и представителей 187 полка — Кириленко, Угоренко и Слабикова разработали меры обороны. В революционную тройку вошли Бокша, Сергеев и Кириленко. Кириленко затем был заменен Шумским.

С 15 февраля объявили военное положение в Атбасаре и уезде. Стали приводить гарнизон в боевую готовность. Сформировали коммунистический отряд и взвод коммунаров в 50 человек, перевели их на казарменное положение, установили по вечерам строевые занятия. Атбасарский уезд был разбит на четыре боевых участка: Атбасарский, Кийминский, Марииновский и Красивинский.

С 15 февраля части Атбасарского гарнизона принимают участие в подавлении бандитского движения в Кокчетавском уезде; организуется пятый боевой участок — сандыктавский. Командиром сандыктавского боевого участка назначается Плескач. На боевую линию Плескач выехал с русским отрядом в 60 штыков и 2 пулеметами и с казакским эскадроном под командой Аюханова.

В распоряжение Плескача поступил также небольшой отряд Василия Калюты. Для прикрытия правого фланга на села Краснополянское, Дорогинку, Каменку и Баркуты был выслан отряд Филиппа Калюты.

17 февраля по пути следования отряд Плескача прибыл в Максимовку. У волисполкома собралось много народу. Чувствовалось тревожное настроение.

Подъехали.

— Что это за собрание?—спрашивает Плескач. Заговорили возбужденные голоса:

— Сейчас из Быстримовки, это 12 верст отсюда, прибыл вестовой. Из Михайловки налетела банда, человек 120, убила председателя сельсовета и нескольких коммунистов. Банда сейчас в Михайловке, угрожает Максимовке. Плескач решил догнать банду, прибыл в Быстримовку, но банда уже скрылась. Она направилась в Михайловку, на пути разбрасывала воззвания, отпечатанные в Кокчетаве. В этих воззваниях было сказано:

„Власть коммунистов свергнута, теперь создана народная армия, которая заняла всю Сибирь до Владивостока. Товарищи крестьяне! Организуйте свои военные волостные сельские советы, вооружайтесь кто чем может и бейте насильников-коммунистов. Наш лозунг: „Да здравствует советская власть без коммунистов!“

Неожиданно со стороны Балкашинки примчались два верховых с донесением от командира красного отряда Кресса. Кресс писал:

„Тов. Плескач!

Продотряд в тридцать штыков из станицы Кундукуль под натиском врага отступил в Сандыктав и влился в мой отряд. Мой отряд увеличился до восьмидесяти штыков. Имею один пулемет. В Сандыктаве дали бой, но силы противника превосходили наши, и мы потерпели поражение. Отступаем. Прошу оказать немедленную помощь, иначе грозит опасность Атбасару. Кресс“.

В полночь на 28 февраля отряд Плескача подступал к Балкашинке. В Балкашинке уже были бандиты. Внезапным натиском красные сняли бандитские караулы. Установили, что в Балкашинке находятся три сотни русских казаков. А основные силы противника уже заняли Максимовку. Таким образом отряд Плескача попал в кольцо врага. Бой длился два часа. Противник был выбит из села. Потеряв несколько десятков убитыми и ранеными, он отступил в Сандыктав.

В отряде Плескача был убит Рязанов, рабочий с Карсакпая.

Теперь задача была в том, чтобы до рассвета прорвать кольцо противника. Другого выхода не было. К рассвету отряд Плескача подошел к Новоселовке, что на границе Кокчетавского и Атбасарского уездов. Село заняла вооруженная банда Беспалова — свыше ста человек. Бандиты арестовали 15 человек из продовольственного отряда и милиционеров и собирались их расстрелять.

Решительным ударом отряд Плескача разбил банду Беспалова. Освобожденные из-под ареста работники тут же вступили в отряд. Кроме того в отряд вступили 20 новоселовских бедняков. Оружие отбили у банды. Отряд вырос до ста штыков.

Утром 28 февраля по пути на Макеевку встретили и задержали пятерых баев, бывших волостных управителей, которые ехали со списками из Атбасарского уезда в станцию Якши-Янгистав на нелегальный съезд бандитов.

Получив подкрепление из Атбасара в 40 конников, отряд в ночь на 1 марта, в буран, при 40-градусном морозе, по степям, без дороги двинулся на подкрепление отряду Кресса, отступавшему по Атбасарскому тракту.

По глубокому снегу, сделав переход в 85 километров, прибыли к полночи во Владимировку, где стоял отряд Кресса. Отряды были объединены под командой Плескача. Удалось включить полевой телефон в телеграфную линию и перехватить распоряжения бандитского командующего Федотова. Оказалось, что бандиты готовились утром оцепить Владимировку и разбить отряд Кресса.

Отряд подготовился к встрече, рассыпался в цепь и выставил четыре пулемета на окраине села. И действительно, утром противник повел наступление со стороны Максимовки, сначала колоннами, а потом цепями, стремясь окружить Владимировку с обоих флангов. Силы бандитов доходили до 5 тыс.

Перестрелка продолжалась три часа. Бандиты приближались к селу.

Подпустив бандитов поближе, отряд Плескача открыл пулеметный и ружейный огонь. Бандиты кинулись в атаку. Плескач скомандовал контратаку. После острой схватки бандиты дрогнули и бежали.

Бандитов преследовал казакский национальный эскадрон под командой тов. Мендагали Аюханова. Эскадрон врзался в ряды отступающего врага. Командир был убит.

Увидев, что Аюханов убит, Сеит Назаров, Мухамедия Бурханов, Байгадин (сын ишана) постыдно с оружием в руках бежали с фронта в Тургайские степи через Баганалинский район в Акмолинский уезд и долго скрывались. После Сеид Назаров был пойман и присужден военным трибуналом к расстрелу.

В бою отличились Хасен Нурмухамедов и Торегожин. Бойцы преследовали врага 20 километров, до села Петровки Кокчетавского уезда.

Но бойцам не пришлось отдохнуть после тяжелых переходов и трехсуточного боя. Противник подтянул свежие силы, в несколько раз превосходившие красные отряды, окружил красных бойцов в селе Петровке и держал их в осаде до 10 марта, производя по две—три атаки в ночь. Боеприпасы в отряде истощались, оставалось по два—три патрона на каждого и 10 бомб на весь отряд.

В 12 часов ночи на 6 марта противник повел наступление. Стрелять было нечем, и было решено лежать, пока противник не подойдет вплотную.

Когда бойцы встретились лицом к лицу с врагом, дали залп. В темноте все смешалось. Стреляли, рубили, бросали бомбы, кололи, били прикладами.

Враг дрогнул. В эту ночь было отбито у бандитов оружие и патроны. Противник потерял много убитыми и ранеными. Отряд потерял командира взвода Павловского (из села Дальнего Атбасарского уезда) и троих раненых. Но Петровка не была сдана бандитам. На следующий день пришло подкрепление: рота красноармейцев из Акмолинска, боевые припасы и пулемет „Максим“. Кроме того в отряд стали вливаться добровольцы и мобилизованные в Атбасарском уезде. Вскоре отряд вырос до 500 штыков. Сформировали кавалерийский эскадрон. Все же боевых припасов не хватало.

В Атбасаре срочно наладили слесарную мастерскую. Руководил ею слесарь Житный. По всему уезду собирали охотничьи гильзы, желтую селитру, горючую серу для приготовления пороха, свинец, баббит, алюминий и олово.

Вытачивали патроны, выливали пули, ремонтировали винтовки.

Расстрелянные в бою гильзы красноармейцы собирали и отправляли в Атбасар на зарядку.

Собравшись с силами, отряд повел наступление на Балкашинку. Три раза село переходило из рук в руки.

12 марта посланная в Балкашинку разведка донесла штабу в Петровку, что противник ночью отступил из села на запад, в Михайловку.

В полной уверенности, что противника в Балкашинке нет, отряд вышел из Петровки походным порядком. Когда отряд входил на площадь Балкашинки, с обеих сторон улицы бандиты открыли огонь. Началась паника. Отряд начал отступать. Командир отряда Плескач с восемью бойцами, Симановичем, Хлыстуном и другими, остались в окружении врага и отстреливались до тех пор, пока отряд снова не перешел в наступление.

В этом бою погиб командир кавалерийского взвода Сергеев и несколько бойцов были ранены.

Противник начал маневрировать. Красные установили, что противник собирает силы с запада в Михайловке, с севера — в Сандыктаве и с востока — в Романовке. Со сторо-

ны Романовки и Михайловки банды выслали разведку в направлении на Атбасар. Бандиты хотели оставить себе свободный путь в Атбасар. Тогда из Балкашинки в обход противнику были высланы два отряда по 70 штыков под командой В. И. Калюты и Дюкарева. Заметив отряды, бандиты отступили обратно на Михайловку и Романовку.

16 марта южной группой красных войск, прибывшей из Омска, Кокчетав был очищен от бандитов. Противник отступил в двух направлениях: на запад от Кокчетав, на станицу Лобаново, и на юг — на станицу Сандыктав, что в 4-х километрах от Балкашинки. Таким образом в Сандыктав были стянуты самые крупные силы бандитов. 18 марта бандиты повели наступление на Балкашинку одновременно из Сандыктава и из Михайловки. Отряд красных бойцов отошел в исходное положение, в село Петровку, занял оборонительную позицию и трое суток отражал врага.

22 марта через поселок Быстримовку на Михайловку, занятую бандитами, был выслан отряд около 200 штыков и с двумя пулеметами, под командой Хлыстуна. Этот отряд выбил двухтысячную банду из Михайловки.

На правый фланг, в Романовку, был направлен отряд в 70 штыков под командой В. И. Калюты. А основной отряд Плескача (400 штыков, три пулемета) повел наступление на Балкашинку, и с первым боем отбросил главные силы бандитов на Сандыктав. Туда же отступили бандиты под натиском отрядов Хлыстуна и В. Калюты.

Таким образом в Сандыктаве скопилось около шести тысяч бандитов, под командой казачьего офицера Уткова, в том числе было 500 кавалеристов русских казаков.

23 марта из Атбасара на подкрепление в Балкашинку прибыл 187 полк под командой Угаренко.

В это время Плескач заболел и слет, передав командование сводными красными отрядами командиру 187 полка Угаренко.

К 24 марта все красные отряды были стянуты в Балкашинку. В ночь на 25 марта красные части под командой Угаренко перешли в наступление на Сандыктав.

И. И. Плескач

На рассвете станицу Сандыктав оцепили. Утро морозное. Снег хрустит под ногами. Руки прилипают к железу винтовок. У бойцов горит одно желание:

— Скорее наступать. Еще напор, и борьба кончена!

Отряд Угаренко повел наступление цепью. Бойцы шли по открытой местности. Несмотря на это, Угаренко отдал приказ:

— Открыть пулеметную стрельбу.

Пулеметчики били по невидимой цели и только напрасно

растрачивали ленты.

Под прикрытием пулеметного огня отряд пытался прорваться в станицу. Но бандиты открыли встречный ураганный огонь. Красные бойцы остановились.

До заката солнца метались бойцы из стороны в сторону, но силы были неравны.

Командир на посту

Командир, а как он беспомощен сейчас,— думал Кузоваткин.

Врач Кузоваткин день и ночь дежурит у постели больного командира. Но лечение идет плохо: нет медикаментов.

В комнате тихо. Плескач лежит на широкой деревянной кровати. Веки отяжелели, набухли синевой.

В комнату влетает боец из отряда — Береговой, обледеленный и окровавленный.

— Что? В чем дело? — метнулся Плескач и присел на койке.

— Я ранен! — растерянно выговорил Береговой.

— Вижу — тряхнул Плескач черными космами. — Дальше?

— Много раненых, убитых, товарищ командир.

— Перевязать, — кивнул Плескач Кузоваткину.

Кузоваткин усадил Берегового и стал раздевать его.

— Где отряд? — спросил Плескач.

— У самой станицы, в снегу лежит. Подняться нельзя, берут на мушку. Ребята замерзли. Вас нет, товарищ командир, — все пропало. Мы погибли.

Плескача передернуло. Миг — и он уже на ногах. Натянул валенки. Ходит молча по комнате. Пол под ногами гнется, скрипит. Плескач натянул полушубок, сверху шинель. Выбежал на улицу. Сел на лошадь Берегового и поскакал прямо к цепи.

Оставив лошадь под прикрытием в ложине, где были патроны и подводы с продовольствием, Плескач пошел по дороге в цепь.

Бандиты открыли стрельбу. Пули посекали шинель в нескольких местах. Не дрогнув, Плескач дошел до цепи. Раздался его зычный, знакомый бойцам голос:

— Батали-о-о-он, слушай мою команду!

— Слушай команду Плескача! — током разнеслось по цепи.

— Цепь, вста-а-аты! Вперед! За мной на банду!

Бандиты открыли огонь по цепи, но уже нет прежней меткости. Кое-где бандиты начали выскакивать на улицу.

Цепь красных упорно надвигалась на станицу с трех сторон.

Раздалась новая команда Плескача:

— Обстрел банды на-ходу на-а-ачинай!

Сухой нарастающий треск винтовок.

— Противник дрейфит, — говорит командир.

— Противник дрейфит, — раздается по цепи.

И тут же новая команда:

— Пулеметный огонь по мосту!

Бандиты в панике сгрудились у моста: другого пути для отступления им не было. Пулеметный огонь красных по мосту перерезал и этот путь.

— Ура! Товарищи, вперед за мной!..

Несмолкающее ура загрело по станице. Цепи с трех сторон подступали к хатам.

Главные силы бандитов спрятались по дворам, на лошадях с пиками готовились к уличному бою.

Плескач велел прекратить стрельбу. Стрелять было опасно: свои наступали со всех сторон станицы.

Но уличного боя было не миновать. Когда красные двигались по улице, из дворов выскочило несколько конных бандитов с пиками, кинулись на них и подняли на пики двоих бойцов.

— Выравнять цепь! Принять уличный бой! — раздалась команда.

Бандиты открыли стрельбу из засады. Недолго думая, красные пустили в ход бомбы. Бандиты дрогнули и в панике бежали из своих застрех.

Станица Сандыктавская к ночи была занята красными.

Крестьянские подарки

За несколько дней до взятия Сандыктава красными, вечером, в тесном прокуренном помещении Борисовского сельского совета собрался народ.

Были Василий Рудык, Степан Штефан, Алексей Таран, Архип Майный и другие. Обсуждали последние события. Высказывали опасения, что банды восставшего казачества скоро докатятся и до Борисовки.

— Кажуть, атбасарцы уже эвакуируются.

— Чужав я, будто поклали уже все вещи на подводы и хотят двигаться на Акмолинск.

— А не брехня цэ?

— Какая тут брехня? Мне Волостников рассказывал: и Омск взят, и Челябинск взят, и Петропавловск взят. Так что Атбасару теперь не удержаться. Тикают...

— А как, все уезжают или кто в городе остается?— осторожно спросил Майный.

— Конечно, красные та коммунисты тикают, а мирные которые жители— те остаются.

— Брехня это все!— сверкнул глазами Таран.— Не такая уж у беляков сила. Вот вчера слышал, что Плескачев отряд разбил банду около Петровки и двинул на Балкашинку. Только, конечно, если сидеть сложа руки, то и до нас казачье дойдет.

— А что ж нам теперь робыть?

— Да нас не тронут. Мы мужики, крестьяне мирные.

— Який ты добрый теперь! А шо заспиваешь, когда казаки в самом деле зайдут к нам в село?

— Знаю я, шо не будет добра. А тильки чего же робыть?

— Руки складывать и ждять витра в поле нам нечего,— решительно проговорил Таран.— Он Житный, кажут, уж не тилько патроны, порох робыть приловчився... Отправляют на фронт в отряды..

— А шо ж нам по твоему делать? — не унимался Майный.

Дверь неожиданно распахнулась. В хату зашли жена Житного, тетка Гарпина и вдова Садовая. У обеих за плечами было по огромному мешку.

Скинув мешок, Гарпина поправила платок и испытующе огляделась.

— Чего сидите, балясы точите? Там люди по всему селу собирают, хто шо може, туды... в отряд, на помощь. Пидводы позакладали. Дид Иван и Ничипора уже повезли. Всего понасобирали: хлиба, сала, масла, полотна, одежи. А вы? Ух вы... мужики!

Едва передохнув, Гарпина мотнула головой председателю:

— А ну, председатель, бери, чего мы принесли. Сало тут, хлеб та белье. Там еще бабы собирают, хто штаны, хто ще...

Давай скорей пидводы. Отвезти надо туда, красноармейцам, в отряд к Плескачу. Та скорисше..

В совете приумолкли.

— О, це дило, — тихо сказал Таран, — я зараз даю пидводу. Кто еще? Да не только подарки везти, а самим треба итти в отряд.

Таран и Майный пошли тут же вслед за подводами.

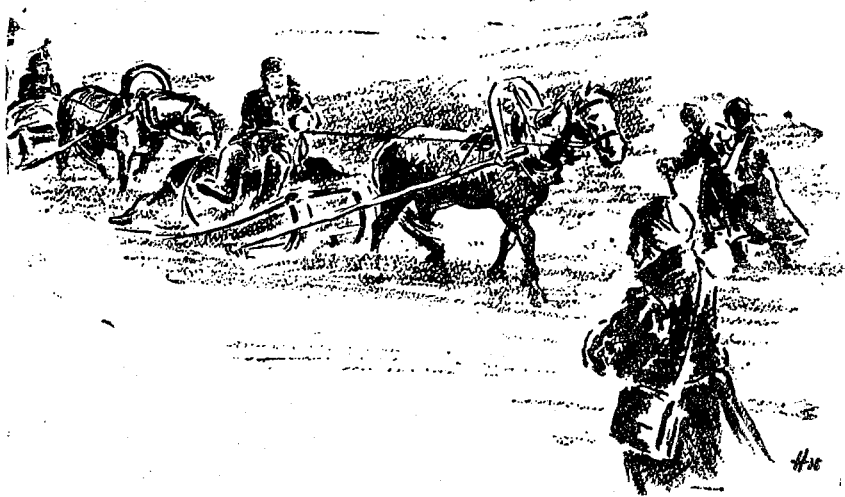
Лиха беда начало. Одна за другой подъезжали к совету груженные подводы. Собралось до двадцати подвод.

Обоз двинулся в путь. По дороге в селах Покровке, Спасском, Новом-Городке к обозу примыкали новые подводы. Всего их выросло до пятидесяти.

Обоз шел днем и ночью. Поднялась поземка. По пути встречались раненые красноармейцы. У них спрашивали о красных отрядах, о Плескаче.

— Ну, теперь знаемо, дэ Плескач, — затягивая супонь, говорил дед Иван. — Хоть и погано ихать, буран великий, но зато добрэ, що ниhto ни замитэ, лучше доидым...

Обоз дошел до красной заставы у Петровки. Отрядники

Везут подарки партизанам

узнали своих, указали штаб. В штабе командиры обсуждали план наступления.

Тихо открыв дверь, в хату вошел дед Иван, весь в снегу, обледеневший. Встряхнув тулуп и сняв шапку, дед Иван спросил громко:

— Дэ Плескач?

— Здесь, — обернулся тот, услыша знакомый голос. Плескач подошел к деду, пожал руку.

— Ну, чего, дид Иван, прихав?

— Да там привезли вам кое-чего, гостинцы...

— Яки гостинцы?

— А посмотрите.

Командиры увидели длинный обоз. У каждых саней стояло по два-три человека, переступавших с ноги на ногу и похлопывавших рукавицами.

— Так, так, дедушка, значит пополнение? — весело сказал Плескач.

— Мы привезли харчи, одежду. И хлопцев прихало 60 чел.

— Из Атбасара?

— Та нет, из разных поселков, а бильше из Борисовки.

— Почему из поселков? От кого?

— От тех, кто вместе с вами, кто не хоче кабалы и надияется на вас.

Через полчаса на площади собрали митинг бойцов. Дед Иван взволнованно и просто рассказал о том, как в селах женщины пекли хлебы и шили для бойцов рукавицы и шалки из старых полушубков, а мужики чинили валенки и рубили табак.

Обоз с подарками и веселый рассказ деда Ивана ободрили и воодушевили бойцов.

Помощь красным отрядам росла и ширилась. По почину комсомольских ячеек и женотделов, крестьянки-беднячки в поселках Покровке, Спасском, Новом-Городке, Владимировке, Максимовке устраивали перевязочные и питательные пункты, собирали постели, подушки, одежду, материю для перевязок.

Особенную заботу проявила учительница из села Покров-

ки Евдокия Ильинична Авдеенко. Она первая с помощью девушек-комсомолок устроила в Покровке перевязочно-питательный пункт.

Охвостья контрреволюции

Итак станица Сандыктав была взята. Главные силы бандитизма разбиты, но еще не уничтожены. Ночью красные отряды отошли обратно к Балкацинке. В ту же ночь отряд в 170 штыков с пулеметом „Максим“ под командой уездного военкома Сергеева отправился в Михайловку, занятую бандитами.

На другой день разведка донесла, что в Сандыктаве ничего нет. В Сандыктав вступили без боя. Но так как мало было боеприпасов, решено было соединиться с южной группой красных, занявшей Викторовку. Через два часа после прибытия отряда в Викторовку, вестовой, прибывший из отряда Сергеева, донес, что отряд под натиском противника отступает, а командир отряда Сергеев ранен.

Взяв боеприпасы в 233 полку, Плескач с отрядом немедленно вернулся в Сандыктав. Но бандиты уже отступили по дороге на Каркаралинск.

Остатки банд, разбитых под Петропавловском, Макинкой и в Атбасарском уезде, около трех тысяч человек, стали откатываться по направлению на Павлодар и Баян-Аул. Здесь их должен был встретить отряд под командой начальника каркаралинской милиции Семененко. Но бандиты сумели обойти этот отряд.

Преследовавший банду отряд Кресса после пятичасового боя ночью сбил банду с Павлодарского тракта и погнал ее к Каркаралинску, в расчете на то, что там ее встретит отряд Семененко.

Но Семененко отошел к Павлодару. Таким образом банде был открыт свободный путь на Каркаралинск.

Каркаралинские советские и партийные организации, несмотря на предупреждения по прямому проводу и команду-

ющего вооруженными силами Акмолинского уезда Пасикова и Плескача о том, что на Каркаралинск движется банда, не подготовились к отпору. Разоружив заставу, банда ворвалась в город.

Разъяренные бандиты вырезали 123 коммунистов. Погибли председатель уисполкома Малахов, секретарь укома партии, начальник политического бюро, уездный военком Голенков и другие товарищи.

Борьба с бандитизмом стала подходить к концу.

Казачьи станицы Арык-Балык, Якши-Янгистав, Нижний Бурлук, Верхний Бурлук и Акан-Бурлук были взяты красными без особых усилий.

28 марта 1921 года из станицы Арык-Балыкской командующему южной группой в гор. Кокчетав была передана следующая телеграмма:

„Доношу, что на участке вверенного мне полка спокойно. В станицах Лобановской, Имантавской, Арык-Балыкской, Нижне-Бурлукской продолжают приходить из лесов и с заимок группы и отдельные бандиты и сдают оружие. Для поимки штаба Кудрявцева и ликвидации мелких банд на рассвете 19-го марта выслал конную разведку и 9-ю роту через Андреевский поселок на поселок Гавриловский и из отряда Плескача одну роту на поселок Федоровский. Расположение полка к 20 часам: команда пеших разведчиков — Лобановская, один батальон и взвод батареи — Имантавская, штаб полка, третий батальон, под командой конных разведчиков — Арык-Балыкская. Связь со штабом группы — через посты летучей почты Нижне-Бурлук, Михайловское, Сандыктав и по телеграфу. Ком. полка (подпись). Военком полка (подпись)“.

Но осколки бандитизма были еще живучи.

13 марта 1921 года в селе Чистополь организовалась банда в 36 человек под командой чернозубовского кулака Федотова. Из Кокчетавского уезда банда направилась в село Ялты и Болонковка Атбасарского уезда. Узнав, что в селе

Богословском (красивинского боевого участка) находится отряд красных, банда повернула из Болонковки на Любимовку. Банда разыскивала секретаря партийной ячейки К. Е. Новака. Новак скрывался и остался жив.

Тогда банда арестовала секретаря комсомольской ячейки учителя П. Шарутина, членов ячейки С. Е. Новака и Коробку; членов партии Карпа Пидорича, Курдюка. Арестовали также жену Плескача, у которой пытались под угрозой оружия выведать, где находится муж.

Банда захватила прибывшего из поселка Калач в Любимовку инспектора милиции Есипенко, отсбрала у него бомбу, наган и документы. Бандиты собрали общее собрание граждан Любимовки и потребовали выдачи коммунистов. Но собрание никого не выдало.

В тот час, когда шло собрание, со стороны Болонковки показались 12 верховых; банда приняла их за разведку красных. Струхнув, бандиты захватили с собой Есипенко и спешно двинулись из Любимовки на Разгульное, Ново-Михайловку и Рузаевку.

Выехав из села, бандиты раздели Есипенко догола, привязали к оглобле и гнали 60 километров до самой Рузаевки. Потом облили водой, посадили в холодный амбар и расстреляли у Старобельского озера.

Из села Чистополь банда в 25 человек налетела на село Гаршино, окружила квартиру секретаря партийной ячейки Х. Поповича, чтобы взять его живым. Попович начал стрелять в окно. Банда открыла огонь и убила Поповича и другого коммуниста Христанова.

В селе Кийма кулачество подняло мятеж, мятежем руководили: Василий Михайлович Фартушин (бывший царский урядник), братья Копаневы (крупные торговцы), Чухлебовы и Гречканевы (крупные кулаки). В четыре часа утра бандиты окружили помещение районной милиции и пытались обезоружить и расправиться с отрядом И. В. Исайкина. Председатель сельского ревкома Кочубей и председатель волостного ревкома Кислер не приняли никаких мер для ликвидации мятежа.

В это время продовольственный отряд Орлова в 15 штыков находился в селе Донском. Товарищ Исайкин и уполномоченный политического бюро И. Н. Басов не растерялись; они послали с нарочным донесение в Атбасар (за 60 километров) Бокше и в село Донское — Орлову. Орлова просили немедленно выехать с отрядом. Из Атбасара нарочный привез донесение обратно с резолюцией Бокши: „Поменьше паники, побольше энергии, власть на месте...“

Исайкин и Басов пытались успокоить мятежную толпу:

— Чего вы хотите?

— Мы пришли обезоружить вас, чтобы была советская власть без коммунистов.

Исайкин и Басов решили выиграть время до прихода отряда Орлова. Они предложили толпе выбрать уполномоченных для переговоров. Выбраны были Фартушин, Копанев и Черняев. Переговоры начались. Но толпа неистовствовала:

— Что с кровопийцами говорить! Впустую это! Тащи их на площадь! Там устроим им народный суд!

В эту минуту подоспел отряд Орлова. Организаторы кулацкого мятежа были пойманы и заключены под стражу.

В августе 1921 года в Атбасарском уезде появилась банда Охранюка в 300 человек, вооруженная двумя пулеметами. Банда двигалась со стороны Уральской области. Силами милиции под командой Пронина банда Охранюка была разбита, а обоз и пулеметы были отобраны. Охранюк с 40 бандитами успел скрыться.

В декабре 1921 года в районе с. Красивого, Атбасарского уезда, появилась банда Глазунова. Глазунов именовал себя „батькой Махно“. Банда пришла со стороны Кустаная. Для ликвидации банды был сформирован отряд милиции под командой Ашихмина. Банда была настигнута в казакском ауле и оказала отряду упорное сопротивление. Бой продолжался целую ночь, бандиты не сдавались, бились до последнего и были все уничтожены на месте.

Банда Глазунова была последней в Атбасарском уезде.

Трудящиеся Атбасарского уезда вздохнули облегченно. Гражданская война кончилась.

Вся страна переходила к мирному труду, к широкому социалистическому строительству.

Был первый год новой экономической политики, когда коммунистическая партия, мудро руководимая Лениным и Сталиным, сделала гениальный исторический поворот, означавший укрепление союза с крестьянством, накопление сил для развернутого социалистического наступления.

Владимир Ильич писал: „Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем“¹.

Атбасарский уезд вздохнул свободно, когда были разбиты и подавлены последние банды.

Начиналась горячая советская и хозяйственная работа.

Разверстку заменил продналог. Крестьяне вывозили хлеб и мясо для Петрограда, Москвы и других пролетарских центров, налаживали разрушенное хозяйство.

Коммунистические ячейки глубже вошли в массы через политическую разъяснительную работу.

Начинался подъем сельского хозяйства, стали расширять площадь посевов, увеличивать скот.

Ну, а бойцы недавних жарких дней? Красные партизаны, коммунисты, сочувствующие, беспартийные крестьяне-активисты начали впрягаться в партийную, советскую, руководящую хозяйственную работу в селах, станицах, аулах, волостных и городских учреждениях. Многие партизаны-бойцы стали потом борцами за колхозное движение, в год

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVII, стр. 231—232.

„великого перелома“ стали во главе колхозов. Иные стали руководить совхозами. Кто поехал на учебу в военные академии, в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию в Москву, в технические вузы. Кто пошел работать в карагандинские шахты, строить третью всесоюзную кочегарку. Разнообразна судьба партизан Атбасарского уезда.

Многие и многие не дождалась великих дней торжества социализма в нашей стране: погибли, замученные и истерзанные белыми хищниками, обагрили свою кровью сопки, степи и дороги Атбасарского уезда, крутые берега зеленого Ишима.

Но память о героях не умрет.

Их преждевременная гибель дала богатую жатву. Цель, ради которой они боролись и умерли в борьбе, — эта цель ныне достигнута. Подъем и расцвет Казакстана — тому яркое и живое свидетельство. Пройденный путь был четок и верен. Как и сегодняшних ударников, стахановцев, — бойцов тех дней воодушевляла, вела, направляла несокрушимая воля коммунистической партии. И сейчас, спустя пятнадцать лет, трудящихся Казакстана и всей нашей родины воодушевляют два великих и радостных имени — Ленин и Сталин!

Содержание

	стр.
От редакции	3
Война объявлена	7
Первые вести с фронта	10
Восстание 1916 года	12
Атбасар	14
Фронтовики у власти	15
Первый съезд советов	16
Контрреволюция расправляется	18
Крестьянский съезд	21
Муйнакское восстание	23
Кровавый ставленник контрреволюции „Хто хоче, хай пышется“	26
Движение растет	28
Мариинское восстание	31
Агония колаковщины	35
Крепнет советская власть	57
Бандитизм	61
Эзеровско-кулацкое восстание 1921 г.	64
Командир на посту	66
Крестьянские подарки	74
Охота контрреволюции	76
	80

В Акмолинских степях.
Казахстанское краевое издательство. Алма-Ата, 1936 г.

Редактор *К. Павлов*
Техред *П. Курочкин*
Корректор *Д. Соскин*

Сдано в набор 3.XI.35 г.
Подписано к печати 20.XI.35 г.
Бумага 82 X 109/32. Тираж 10 000 экз.
Объем 5 уч. авт. л., 5,5 печ. л. Знаков в п. л. 3 000.
Инд. X-16. Заказ № 473.

Уполномоч. Казглавлита № 2023.

Типогр. треста „Полиграфкнига“ им. XII годовщины КазАССР
Заказ № 949. Адрес типографии: Алма-Ата, Карла Маркса, д. 51.

С

Ом
Во
Пе
Во
Ал
Ф
П
К
К
М
К
Д
А
А
Е
З

Читатель!

*Сообщите отзыв о данной книге по адресу: Алма-
Ата, Гоголевская, 51, Казакстанское краевое
издательство ОГИЗа.*
